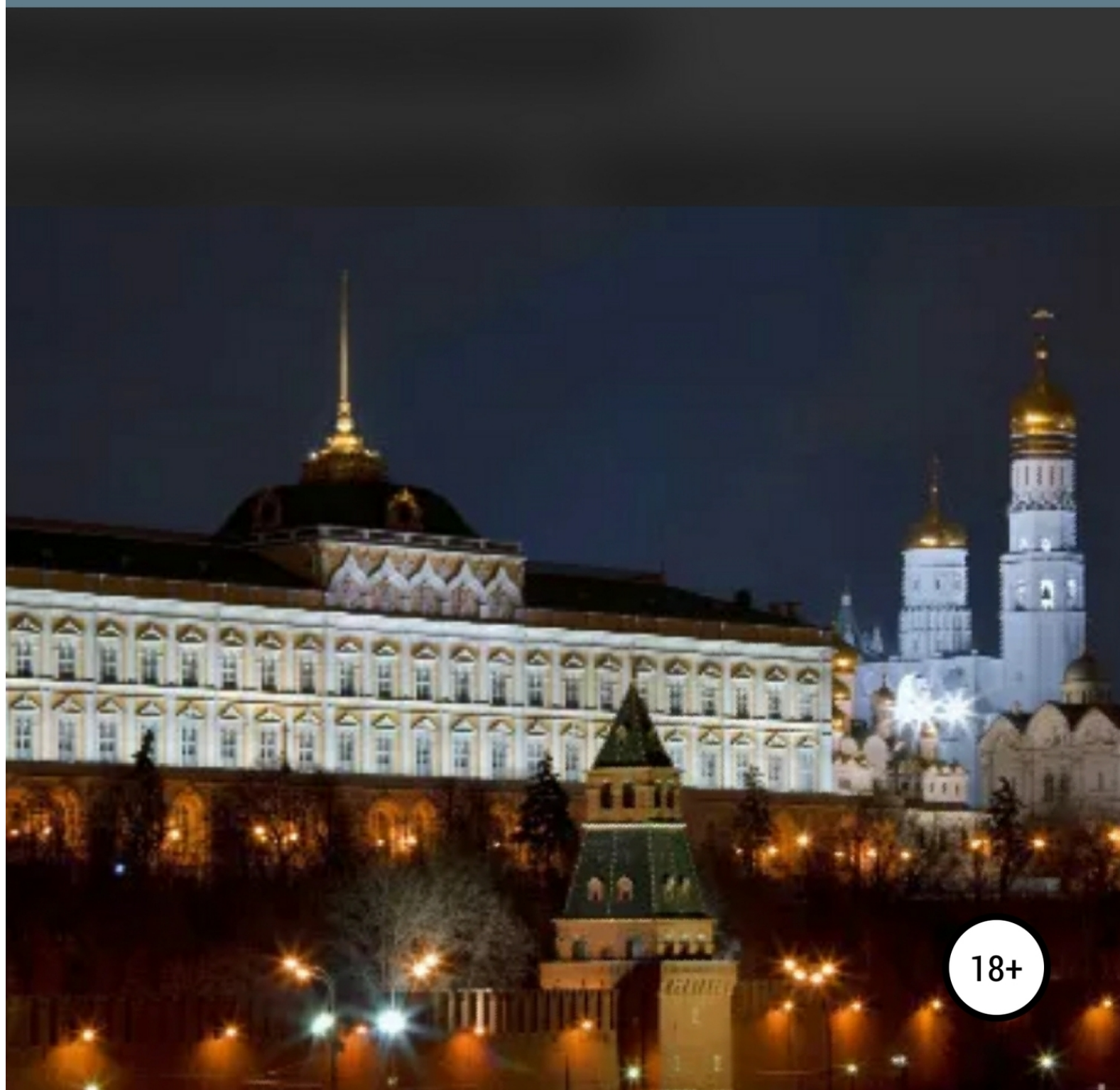

Евгений Горохов

Кровь алая 3

Верблюд в игольном ушке

18+

Кровь алая

Евгений Горохов

**Кровь алая 3: Верблюд
в игольном ушке**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Горохов Е. П.

Кровь алая 3: Верблюд в игольном ушке / Е. П. Горохов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Кровь алая)

Два бывших офицера разведки Саддама Хусейна решают организовать террористическую, исламистскую организацию, для захвата нефтяных вышек Ирака. Руководство ЦРУ хочет использовать эту организацию для создания "управляемого хаоса" на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. ФСБ России противодействует этим планам и начинает операцию "Троян". Для этого вербуется бывший руководитель подполья чеченских боевиков Эми Самиков. Он внедряется в круг руководителей исламистского террористического подполья. Идёт скрытая борьба между разведками ЦРУ и МИ-6 с одной стороны, и российскими спецслужбами СВР и ФСБ с другой.

Содержание

Примечание	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Примечание

Кровь человека, независимо от расы, национальности, вероисповедания, одинаковая, у человека – **кровь алая**.

Глава 1

«Шайтан как будто бы слился с человеком, подходящим ему по описаниям, проник в его нутро. Или наоборот, человек своим характером и поведением, стал напоминать шайтана. А может, шайтан и вовсе убрался, скрылся где-то далеко, когда возросло число тех людей, что делают его дело вместо него».

Саддам Хусейн, премьер – министр Ирака в 1979 – 2003 годы.

Ноябрь 2003 года.

Можно сказать: вся горная Швейцария, одна сплошная туристическая открытка. Куда ни кинь взгляд, всюду живописные пейзажи горных вершин, с сочно – зелёными лугами и козами, пасущимися на них. Деревенька Гиммевальд, расположенная в Бернских Альпах – самая глушь среди цивилизации Западной Европы. Жители здесь не имеют автомобилей, так как в деревню не ведёт дорога. Добраться сюда можно лишь пешком или на фуникулёре канатной дороги. В Гиммевальде нет даже магазина, и жители деревни за всем необходимым спускаются в долину, в посёлок Лаутербунен, где начинается цивилизация: сюда ходят автобусы из Берна, Штехельберга и Мюрена, здесь есть кафе, в которых любят отдыхать туристы после восхитительных пеших прогулок по Альпам.

Мало кто согласится жить в такой глуши, согласно переписи 2003 года: в Гиммевальде проживает сто тридцать человек. В апреле 2003 года здесь поселился бывший ливанский бизнесмен Фарух Убая. Соседям он объяснил, что имел в Ливане строительный бизнес, но всё продал и вышел на покой. Гиммевальд он выбрал по той причине, что хочет в тиши заниматься любимым делом – выращивать розы. Со слов господина Убая, его жена в деревню ехать категорически отказалась, и с сыновьями живёт в Женеве. Они даже ни разу не навестили его.

Едва поселившись в Гиммевальде, Фарух Убая занялся строительством оранжереи для своих роз. Местные жители отнеслись скептически к его затее: зимой с севера, с горы Юнгфрау, дуют такие жестокие ветра, что приходится класть на крыши домов камни, иначе крыши срывает. Однако Фарух заявил, что он всё учёл.

За те полгода, что жил ливанец в деревушке, его никто не навещил, потому и удивило местных жителей появление в хмурое ноябрьское утро в их деревне француза, разыскивающего Фаруха Убая. Француз пояснил, что он из организации WFRC – всемирной федерации обществ любителей роз.

– Ну конечно! Кто ещё может разыскивать месье Фаруха?! – рассмеялся сыровар Мишель Пти. Он проводил француза до дома ливанца.

– Здравствуйте месье Убая, меня зовут Франсуа Лакар, – отрекомендовался посетитель, – у нас в обществе, появилась информация, что вам удалось вырастить голубую розу.

– А разве бывают розы такого цвета? – удивился Мишель.

– У роз отсутствует природный пигмент, благодаря которым, цветы имеют голубой оттенок, – пояснил Убая, – но в мире нет недостижимых вещей, и думаю, мне удастся вывести голубую розу. Сейчас я на пути к этому.

– Что ж не буду вам мешать, – откланялся Мишель Пти и ушёл.

Едва они остались одни, француз спросил по-арабски:

– Скажи Хафиз, тебе не надоело копаться в земле словно червь?

– Месье Лакар, раз вы приехали посмотреть мои цветы, пройдёмте в оранжерею, – ответил по-французски Фарух Убая.

Настоящее имя гиммевальдского любителя роз Хафиз Абд – Салех. Совсем недавно он был полковником иракской разведки Аль – истихбарат аль – аскериа¹, служил заместителем VI отдела «Запад», а его гость, был начальником этого отдела. Звали его полковник Хамид аль – Махмуд, он дальний родственник Ибрагима аль – Хасана, дяди Саддама Хусейна.

Пожалуй, Махмуд был единственным из родственников и земляков президента Ирака Саддама Хусейна, (из тех, кто занимал высокие посты), который по своим умственным и деловым качествам соответствовал своей должности. В Ираке при назначении на высокий пост, роль играли не деловые качества человека, а выбор крови. Все важные должности в армии, гвардии и спецслужбах, Саддам назначал людей из родов: кахир, аббас, адб – уль Кадир и других выходцев из города Тикрита, откуда был родом сам.

Все спецслужбы Ирака подчинялись специально созданной службе Дейрат аль – мухабарат аль амма², отделы этого управления возглавлялись только родственниками Саддама Хусейна. Лишь они могли докладывать ему о международном положении, которое складывается вокруг Ирака. Именно из-за их некомпетентности, Саддам Хусейн совершил те роковые ошибки, которые привели Ирак к гибели.

Придя к власти, Саддам Хусейн первым делом национализировал нефтяную промышленность. В 1973 году цены на нефть сильно выросли, от чего Ирак разбогател. Уровень жизни в стране существенно вырос, Саддам Хусейн стал популярен в Ираке. В соседнем Иране в 1979 году власть взяли сторонники аятоллы Хомейни. Советники из службы Главного управления разведки убедили Саддама, что власть аятоллы непрочная, а сам Иран слаб, значит, самое время его «пощипать». Ирак вторгся в Хузестан – нефтеносную провинцию Ирана.

Однако Иран устоял, мобилизовав все силы, он дал отпор захватчику. Разразилась многолетняя, кровопролитная война между Ираном и Ираком. Она продлилась восемь лет, унесла около миллиона жизней с обеих сторон. Война истощила силы обеих стран, кроме людских потерь, была разрушена нефтяная промышленность в зоне конфликта, у Ирака появились огромные долги.

В 1988 году при посредничестве США, СССР и Великобритании, удалось заключить мир между Ираком и Ираном. Тут советники из ГУР вновь оказали Саддаму медвежью услугу, они подсказали ему, как решить финансовые проблемы: нужно лишь захватить соседний Кувейт. Как можно быть таким недалёковидным?! Непонятно!

Кувейт имел прекрасные отношения с США и СССР, и эта агрессия вряд ли вызовет их одобрение. Однако советники убеждали Саддама Хусейна: раз США поддержали Ирак в войне с Ираном, то закроют глаза на захват Кувейта. Саддам Хусейн приказал войскам войти в Кувейт, населению своей страны он объявил, что Кувейт исторически была провинцией Ирака.

США, заручившись нейтралитетом СССР, провели военную операцию «Буря в пустыне». Американцы выбили войска Ирака из Кувейта. Именно тогда вскрылась слабость армии Ирака, но Саддама Хусейна это мало волновало, он удержался у власти и поверил в свою всесильность.

Ещё когда ставился вопрос о вторжении в Кувейт, Хафиз Абд – Салех доказывал руководству ГУР, что это опасная акция. После того как его прогнозы сбылись, он нажил себе много врагов в руководстве ГУР, и его неоднократно пытались убрать из военной разведки, но Хамид аль – Махмуд по достоинству оценил аналитические способности своего заместителя, он отстоял его перед главой ГУР генерал – лейтенантом Тахиром Джаиль Хабибул ат – Тикри.

В начале девяностых годов Хафиз предрёк падение Ирака, он предложил Хамиду аль – Махмуду под прикрытием фирм из арабских стран, выводить финансы в Швейцарские банки. Хамид согласился с этой идеей. Перед руководством ГУР он мотивировал эту операцию, необходимостью противодействия экономической блокаде Ирака. Через подставные фирмы в араб-

---

¹ Аль-истихбарат аль-аскериа – Главное управление военной разведки Ирака при Саддаме Хусейне.

² Дейрат аль – мухабарат аль амма – Главное управление разведки Ирака.

ских странах, были открыты счета в швейцарских банках, доступ к ним имели только Хамид и Хафиз.

Нужно признать, что Хамид аль – Махмуд даже получая данные о сосредоточении американских войск в районе Персидского залива, не верил, что США рискнут напасть на Ирак, с его миллионной армией и стотысячной национальной гвардией. Не верил даже тогда, когда госсекретарь США Колин Пауэлл на заседании Совета Безопасности ООН тряс пробиркой со стиральным порошком, утверждая: «Это споры сибирской язвы, добытые разведсообществом США в Ираке».

Хамид аль-Махмуд считал Ирак неприступной крепостью. Всю жизнь, прожив на Ближнем Востоке, он забыл главную заповедь, которая известна здесь ещё со времён Александра Македонского: «Неприступные стены крепости легко перешагивает осёл гружёный золотом».

Те, кому безгранично доверял Саддам Хусейн, его ближайшие родственники и соплеменники, первыми же и продали его. ЦРУ подкупило командующего национальной гвардией генерал – лейтенанта Махер Сафьят ат – Тикри. Тот сдал Багдад американцам, и уговорил иракских генералов следовать его примеру. Армия Ирака разошлась по домам, не дав ни одного сражения. Только одиночки пытались оказать сопротивление американцам, но были легко подавлены их авиацией. Всё это предвидел Хафиз Абд-Салех.

Потом в Ираке наступил хаос, вызванный безвластием, но это Хафиза уже не волновало, он вывез свою семью из Ирака, и поселился в Швейцарии. С Хамидом аль – Махмудом у них заранее были обусловлены каналы связи. И вот спустя полгода, тот любителю розами Хафиза.

– Я за последние месяцы поехал по Ираку, встречался с множеством офицеров, – рассказывал Хамид, разглядывая розы, – они согласны взяться за оружие, чтобы отвоевать свою родину.

– Американцы не для того потратили столько денег, чтобы отдать нефтеносные поля Ирака кучке повстанцев не имеющих реальной силы, – ответил Хафиз, опрыскивая водой куст розы.

– Ты считаешь, наше дело обречённым на неудачу?!

– В таком виде, в каком его замыслил ты, оно будет проиграно, – кивнул Хафиз.

– Что же делать?

– Взгляни, как прекрасны эти розы! – Хафиз показал рукой на цветы. Он поставил опрыскиватель на столик и продолжил: – Люди во все времена стремились ко всему прекрасному. Пророк Мохаммед понимал это, обещая правоверным Рай после смерти. Помани человека красивой сказкой, и он во имя её, пойдёт убивать ближнего, не задумываясь, отдаст свою жизнь. В средние века генуэзские купцы, что бы избавиться от своих конкурентов из Византии, придумали красивую сказку, про спасение гроба Иисуса Христа. Тысячи рыцарей со всей Европы устремились в Палестину, а так как генуэзские купцы оплачивали этот Крестовый поход, то крестоносцы заодно захватили и Константинополь – столицу Византийской империи. Таким образом, конкуренты были уничтожены, и ни один крестоносец не задался вопросом: «Если гроб Господень находится в Иерусалиме, то что же мы делаем в Константинополе?»

– Кто будет придумывать эту сказку? – вздохнул Хамид.

– Сказочников на Востоке всегда хватало, – рассмеялся Хафиз, – один из них сидит в норвежской тюрьме. Я говорю о Фараж Ахмед Натджмутдине³. Идеи джихада, прекрасная сказка.

– Но американцы ведут войну с джихадистами⁴, – покачал головой Хамид аль – Махмуд.

---

³ Фараж Ахмед Наджмутдин – родился в 1956 году в Ираке. В 1990 году эмигрировал в Норвегию. Получил там статус политического беженца, спасающегося от режима Саддама Хусейна. После нападения США на Ирак, взял себе имя муллы Крекар. Курдистанский исламист, лидер террористической джихадистской организации «Ансар аль-Ислам».

⁴ Джихад – в переводе с арабского языка означает «усердие на пути к Аллаху». Исламистские террористы именуют джихадом войну со всеми «неверными». Таких террористов именуют джихадистами.

– Что бы устранить конкурентов, американцы поступят так же как гонуэзские купцы, они оплатят джихад, – улыбнулся Хафиз, – нужно лишь убедить их, что нас интересует только война с неверными в Сирии и Ливии. Американцы дадут денег и будут помогать, разумеется, тайно.

– Кто же будет убеждать американцев?:

– Я, а ты возьмешь на себя переговоры с Наджмутдином и организационную сторону вопроса.

– Зачем нам нужен этот фанатик?! – не понимал Хамид.

– Не забывай, что мы служили Саддаму Хусейну, который отказал в поддержке джихадистам. Потому нам никто не поверит. На начальном этапе, Наджмутдин со своими людьми, будет нашей ширмой. Естественно к финансовым вопросам мы джихадистов не подпустим, – Хафиз рассмеялся, – а когда мы возьмём все нефтяные вышки Ирака под свой контроль, американцам лишь останется списать выделенные на наше дело деньги в убыток, и убраться из Ирака. Но они не обеднеют, новые доллары напечатают.

***

Хамид сидел в кафе, в посёлке Лаутербунен и ждал автобуса на Берн.

– Зачем тебе обязательно нужно ехать в Горький? – услышал он русскую речь за соседним столиком и вздрогнул.

В семидесятые годы Хамид учился в СССР, в Алма-атинском высшем общеобразовательном училище. Он хорошо знал русский язык. В 1986 году, когда он уже служил в военной разведке, он вновь на полгода был послан в СССР, в город Горький. Там в одной из школ Сормовского района были Высшие курсы КГБ СССР. Хамид обучался на этих курсах.

Хамид аль – Махмуд посмотрел на соседний столик, там сидела эффектная блондинка с мужчиной средних лет, у которого была пышная, начинающая седесть шевелюра.

– Ты всё время говоришь по старинке, – улыбалась блондинка, – теперь это Нижний Новгород. Я хочу увидеться с дочерью.

– Но для этого совсем необязательно ехать в Россию, – недовольно говорил мужчина, – скоро начнутся зимние каникулы и Кристина приедет к нам в Израиль.

– А вдруг она не захочет, – махнула рукой блондинка. Она вновь улыбнулась и спросила: – Что здесь такого, если я на недельку слетаю в Нижний Новгород, пока ты будешь в Америке?

– Я не хочу, что бы ты ехала туда, из-за твоего бывшего мужа, – вздохнул мужчина.

– А это уже совсем глупо, – рассмеялась блондинка, – Аносов работает в Чечне.

– Он может приехать.

– Из-за меня вряд ли, – покачала головой блондинка. Она погладила мужчину по голове и ласково сказала: – И потом, что у тебя за комплексы такие? Аносов и мизинца твоего не стоит.

Дальше Хамид слушать не стал, он расплатился за кофе и пошёл к автобусу.

– Знаешь Анжела, я так рад, что повстречал тебя, – сказал мужчина, поцеловав руку блондинке.

Анжела рассеянно смотрела на мужчину, идущего по улице.

«Интересно, как там Ромка?» – думала она о бывшем муже, и спросила:

– Марк, ты долго пробудешь в Америке?

– Всё зависит от многих обстоятельств, – пожал плечами тот, – думаю, дней десять.

В восьмидесятые годы Анжела Мезенцева после школы поступила учиться в Горьковский политехнический институт⁵. Критерием выбора ВУЗа была не тяга к технике, а то обстоятель-

---

⁵ Горьковский политехнический институт – современный Нижегородский государственный технический университет

ство, что там учатся в основном парни, легче замуж выйти. У них на курсе «блистал» Ромка Аносов, капитан факультетской команды КВН. За ним много девчонок увивалось, но выбрал он Анжелу. Сразу после окончания института, в восемьдесят восьмом году сыграли свадьбу, и в этот же год у них родилась дочь Кристина. Пошли пелёнки – распашонки и первые скандалы. В семейной жизни Ромка оказался скучным и обыденным.

В начале девяностых годов в стране начало рушиться всё: армия, промышленность, сельское хозяйство. На предприятиях месяцами не выплачивали зарплату. Не обошла эта беда и Нижний Новгород ⁶. Стабильно тогда платили только в милиции, и Ромка пошёл работать в уголовный розыск. Дома теперь он был редким гостем, всё время пропадал на работе, скандалы в семье прекратились, трудно поругаться с мужем, если он домой только спать приходит.

В начале 2000 года Ромке ударила в голову блажь ехать в командировку в Чечню. Именно в то время, а точнее в 2001 году, Анжела познакомилась с Марком Айзенштадтом. Он жил в Израиле, и был в командировке в Москве. Анжела ездила в гости к подруге, в общей компании они познакомились. Марк красиво ухаживал, сердце Анжелы не выдержало и дрогнуло. Из Чечни был вызван Аносов, и она объявила ему: их семейная лодка пошла ко дну. Тот возражать не стал, и Анжела быстренько оформила развод. С дочкой Кристиной, тоже удачно сложилось – она осталась жить у матери Аносова.

В Нижнем Новгороде, придя в гости, к своей бывшей свекрови, Анжела неожиданно повстречалась с Ромкой.

– У Вадика Храмова родилась вторая дочка, – пояснил он, – вот он и позвонил мне в Гудермес, просил приехать к десятому ноября. Сегодня отмечаем день милиции и заодно ножи новорожденной обмоем.

Три года назад именно Вадим Храмов уговорил Романа ехать в Чечню.

– Ты мог бы меня взять с собой, – сказала Анжела.

– Мне помнится, ты Вадика Храмова терпеть не могла, – усмехнулся Аносов.

– Это было давно, – пожала плечами Анжела.

– Я, выпив водки, стану аморально приставать к тебе, – вздохнул Аносов.

– На таких вечеринках это неизбежный финал, – кокетливо улыбнулась Анжела.

– Ставить рога нынешнему мужу, своей бывшей жены, пошлый вариант, – рассмеялся Аносов.

Анжеле ничего не оставалось делать, кроме как распрощаться. Уже в отеле, поздно ночью, она позвонила мужу в Нью-Йорк.

– Я возвращаюсь в Израиль, – сообщила она.

– Я так же удачно здесь всё решил, и лечу домой, – обрадовался Марк. Он посмотрел на часы: было 17.45.

«Скоротаю вечерок в баре» – решил Марк и вышел из номера.

В лифте он спускался вместе с лысым мужчиной похожим на Дэвида Суше, когда тот играл сыщика в сериале «Пуаро». Господин похожий на Эркюля Пуаро, с милой улыбкой разглядывал Марка, и тот, что бы заполнить время, пока спускается лифт, сказал:

– Хорошая погода,

– Смотря с чем сравнивать, – благожелательно ответил господин.

Это был Хафиз Абд – Салех. Сразу после разговора со своим бывшим шефом, он вылетел в Нью-Йорк.

«Восток дело тонкое» – заметил один киногерой. Может и так, но то, что Восток – один сплошной базар, это точно. Здесь можно купить любой секрет, дело лишь в цене. В своё время

имени Р.Е. Алексева.

⁶ Нижний Новгород – с 1932 по 1990 годы, этот город назывался Горький.

полковник Хафиз имел информаторов в окружении Усамы бен Ладена. Еще, будучи молодым оперативником, Хафиз завербовал ближайшего сторонника бен Ладена – Абу Айюд аль – Масри. Тот воюя в Афганистане, был серьёзно ранен, именно Хафиз организовал его доставку в военный госпиталь из Афганистана. В Багдаде аль-Масри ампутировали ногу. Когда спустя много лет, американцы пытались доказать связь Саддама Хусейна и Усамы бен Ладена, они ссылались именно на это обстоятельство.

Платил Хафиз так же Халлиду Муххамату – ещё одному ближайшему сподвижнику Усамы бен Ладена. Именно от него в 1996 году пошла информация, о том, что на бен Ладена вышел давний партнёр их семьи – бизнесмен Анвар Хароги. Он предлагал совершить «громкие террористические акты» на территории США, обещал финансировать эту операцию. Для Хафиза не было секретом, что Анвар Хароги сотрудничает с ЦРУ. Однако у него в голове не укладывалось, что бы ЦРУ начинало действовать против своего государства. Непосредственно к вопросам, которыми занимался VI отдел (Запад) службы «Аль истихбарат аль – аскера», вся эта информация никакого отношения не имела. Однако в разведке любые сведения, даже на первый взгляд бесполезные, в своё время пригодятся. Потому Хафиз платил Хамиду Муххамату и просил держать его в курсе событий.

Тот доносил, что Усама биться проводить теракты в США, но за идею ухватился его ближайший помощник доктор Айман Мухаммед Рабие аз – Заварихи, и подготовка к терактам идёт за спиной Усамы бен Ладена.

В 1999 году Халлид Мухаммад сообщил Хафизу, что Хароги контактирует с неким Фрэнком Конте. Тут полковнику Хафизу стало совсем интересно: Фрэнк Конте служил в резидентурах ЦРУ в Саудовской Аравии и Турции. С 1994 года он был в отставке, и работал в какой-то частной конторе. После 11 сентября 2001 года события закрутились так стремительно, что не было времени размышлять и анализировать, кто стоит за спиной Конте.

Разводя розы в Гиммевальде, Хафиз из новостей узнал: 10 мая 2003 года на пресс – конференции в Брюсселе комиссар ЕС по гуманитарной помощи Пол Нильсон, заявил, о том, что США «хотят присвоить Иракскую нефть».

«Вот для чего им нужны были теракты 11 сентября!» – изумился Хафиз.

Прилетев в Нью-Йорк, Хафиз позвонил в Таллахасси⁷ Фрэнку Конте и назначил встречу.

– Парень, ты, кажется, не туда попал, – ухмыляясь, сказал огромный охранник, разглядывая лысого господина с усиками.

– Если это бар «Двойной салун» по 14-ой Авеню, то мне сюда, – ответил Хафиз Абд – Салех.

– Тогда проходи, – охранник отодвинулся.

«Весёленькое местечко выбрал для встречи Конте» – подумал Хафиз, разглядывая бар.

Вся публика была одета в кожаные косухи и увешена цепями. Над барной стойкой прикреплены старые, восьмидесятых годов, телевизоры и такие же старые видеомэгафоны. Показывали порнофильмы 70-80-х годов. Кругом раздавались сальные комментарии по поводу происходящего на экранах и взрывы хохота.

Фрэнк Конте сидел за столиком в самом углу зала.

– Местечко непрезентабельное, зато здесь собирается только местная публика, а им нет никакого дела до нас, – улыбался Конте, – и выпивка тут очень дешёвая, но еды нет.

Основная задача каждой разведслужбы – стоять на страже национальных интересов государства. Но существуют и частности: иногда разведке поручается приглядывать за оппозицией, живущей за рубежом, делается это уже для защиты правящего режима. Для ЦРУ, главная

---

⁷ Таллахасси – столица штата Флорида.

задача состоит в обеспечении приоритетных позиций американским корпорациям в международной торговле, обеспечение безопасности финансовых потоков, принятие всех мер для установления выгодных для американских корпораций правил международной торговли. И только потом идёт речь о защите национальных интересов США. Именно по этой причине на должности директора ЦРУ назначается представитель одной из корпораций. Однако если руководителем ЦРУ оказался генерал или адмирал либо политик, то его заместителем, обязательно является представитель американских корпораций.

В 2002 году на должность заместителя директора ЦРУ был назначен Конрад Бренд, бывший ранее членом совета директоров инвестиционно – банковской группы «Джи Си Уайт Инкорпорейтед». К нему, сразу после встречи с Хафизом Абд – Салехом, поехал Фрэнк Конте.

Конрад Бренд после беседы с Конте, тут же позвонил в Таиланд и просил приехать в Лэнгли Джину Распел. После событий 11 сентября 2001 года, США объявило о борьбе с «Аль-Кайдой»⁸. Для этих целей во многих странах были созданы особые тюрьмы ЦРУ, в которых содержались пойманные боевики «Аль – Кайды»⁹. Сотрудникам ЦРУ, работавшим в этих тюрьмах, разрешалось использовать «более эффективные методы ведения допросов», проще говоря – пытки. Все эти меры нужны были для того, что бы выявить других членов террористических группировок. Но это на словах, а на деле, требовалось совсем другое. Истинные цели операции с тюрьмами, в ЦРУ знали всего лишь несколько человек: было необходимо получить как можно больше информации обо всех лидерах исламистских группировок, это нужно для составления их психологического портрета, что бы просчитать их действия в будущем. Ответственной за выполнение этой сложнейшей задачи, была возложена на Джину Распел. В Таиланде она руководила спецтюрьмой ЦРУ под названием «Кошачий газ». Туда свозились особо интересные «клиенты» из числа боевиков. С ними работала сама Джина.

Вся эта операция задумывалась для того, что бы с помощью исламских группировок дестабилизировать ситуацию в странах Ближнего Востока, создать там хаос. Конечная цель этих планов – нефть и газ.

Так как основные потребители этого товара находятся в Европе, то им географически выгодно получать энергоносители из России. Однако действия Путина непредсказуемы и идут во вред интересам США. Потому необходимо лишить Россию основного источника доходов, то есть найти Европе другого поставщика нефти и газа.

Есть на Аравийском полуострове маленькое королевство Катар, там огромные залежи нефти и газа. Нужно лишь протянуть оттуда трубопровод в Европу, а потом контролировать эту трубу. Этот трубопровод пройдёт по территории Сирии, следовательно, там необходимо сместить местный режим. В Сирии не нужна никакая власть. Район, где будет проходить труба, станет контролироваться армией США, а в других местах пусть будет хаос, там начнут плодиться исламские группировки. Всем этим шейхам снится и видится огромный Халифат, куда войдут страны, в которых живут мусульмане. Как тараканы из-под грязной тряпки, джихадисты ползут с Ближнего Востока в Россию. Они создадут там напряжённую ситуацию, что, в конечном счете, и нужно. Вот это и являлось основной задачей Джинны Распел.

Она прилетела в Вашингтон на следующий день после звонка Конрада Бренда.

– Джина, необходимо собрать и проанализировать всю информацию на содержащегося в норвежской тюрьме Фаража Ахмед Наджмутдина и его помощника пребывающего пока на свободе, некоего Абу Мусабу аз – Заркави.

Днём ранее Брэнд дал указание начальнику Оперативного центра Карлу Мэнингу предоставить информацию по бывшему полковнику иракской военной разведки Хафизу Абд – Салеху. Конраду Бренду в ближайшие дни надлежало принять важное решение.

---

⁸ «Аль-Кайда» – организация, признанная в РФ террористической.

⁹ «Аль-Кайда» – организация, считающаяся в РФ террористической.

Глава 2

«Не пытайтесь сделать слишком много своими руками. Пускай лучшие арабы сделают это сносно, чем вы превосходно. Это их война, и вы должны лишь помогать им, а не выигрывать её для них. В действительности, в странных арабских условиях, ваша работа никогда не будет хороша, как вам это может представляться».

Лоуренс Аравийский, британский разведчик.¹⁰

Ноябрь 2003 года.

Мэтт Прэттис, не занимал ни какой должности в правительстве США, однако он принадлежал к могущественному клану Рокфеллеров. Этот клан вместе с семьёю такими же влиятельными семействами, по существу и творит политику США, а, пожалуй, и всю мировую политику. По этой причине, если кому нужно решить вопрос в правительстве Соединённых Штатов, необходимо для начала прозондировать почву у таких ребят как Мэтт Прэттис. Поместье в городишке Лейк Форест Парк, который находится в вечно зелёном штате Вашингтон, Мэтт Прэттис использовал для подобных встреч.

Вначале к нему заезжал Майкл Тиг, когда-то работавший советником у министра финансов Пола о' Нила. Это был единственный министр финансов США, за последние тридцать лет, занявший эту должность, выйдя не из банковских структур, а из промышленных кругов. В кресло министра финансов в правительстве Буша – младшего, он пересел с должности главы совета директоров корпорации РЭНД.

Пол о' Нил критиковал перенос промышленности из США в Китай. Потом у него начались споры с президентом по поводу увеличения расходов на военные действия в Ираке. В результате, в один прекрасный момент, из вечерних новостей по телевизору, Пол о' Нил узнал о своей отставке с поста министров финансов. Буш – младший даже не известил его об этом лично.

Майкл Тиг приезжал к Мэтту Прэттису со «старой песней» о том, что нынешняя финансовая политика США в среднесрочной перспективе приведёт страну к кризису. У Майка с Мэттом Прэттисом получился разговор «слепого с глухим». Ничего не доказав Тиг уехал.

Потом приезжал Пол Квинсон – аналитик финансовой группы британца Джеймса Голдсмита. В финансовых кругах имя Джеймса Голдсмита известно не меньше одиозного Джорджа Сороса. В своё время Джеймс Голдсмит первым оценил нефтяные запасы Каспийского моря. Он основал финансовый консорциум АМОК, для строительства нефтепровода в обход России. Но он так же хорошо вложился и в нефтепровод, идущий по территории России. В свой бизнес Голдсмит пригласил бывшего министра обороны США Дика Чейни, который возглавляет нефтедобывающую компанию «Холлибертон». Именно в интересах АМОК и «Холлибертон», США развязало войну в Югославии в 1999 году.

В 1997 году Джеймс Голдсмит умер, делами финансовой группы руководили его зять Имран Хан и лорд Аллистер Макалпайк. АМОК предложил компании «Холлибертон» участвовать в разработке месторождений Каспийского моря, но когда дело коснулось нефтеносных полей Ирака, Дик Чейни, партнёров из АМОК в дело не взял. Пол Квинсон прилетал обсудить этот вопрос к Мэтту Прэттису. Тот обещал повлиять на Чейни.

---

¹⁰ Лоуренс Аравийский – Томас Эдвард Лоуренс, (1888-1935). Британский археолог, разведчик, дипломат, писатель. Во время 1-ой мировой войны служил в Британской армии на Ближнем Востоке. Один из организаторов арабского восстания против Османской империи.

В дождливый день, десятого ноября, к Мэтту Прэттису приехал Конрад Бренд, этот приехал за советом.

– Послушайте Конрад, я не пойму, что вас тревожит во всей этой истории? – спросил Прэттис, выслушав заместителя директора ЦРУ.

– По существу, к нам за помощью обратился человек, который собирается организовать террористическую исламистскую организацию, – ответил Бренд.

– Они в Ираке и так будут организованны, хотим мы этого или нет, – усмехнулся Прэттис, – слишком много там недовольных. Ну и бог с ними. Этот Хафиз Абд – Салех собирается сделать нашу работу за нас: это же прекрасно!

– Однако у меня слишком мало информации о нём, – ответил Бренд, – неизвестно, кто стоит за ним? Каковы цели этих людей?

– Это как раз и не сложно просчитать, – улыбнулся Мэтт Прэттис, – их, как и нас, интересуется нефть Ирака, и мы дадим немного нефти Хафизу, а взамен, потребуем от его организации движения на восток к границам России. На Ближнем Востоке, витают мысли панисламизма, нужно лишь дать этому движению нужное направление.

– Мы своими руками создадим очаг напряжённости, – с сомнением покачал головой Конрад Бренд, – потом ситуация на Ближнем Востоке может выйти из-под контроля.

– Ну и что?! – пожал плечами Мэтт Прэттис. Он немного подумал и продолжил: – Нам не зачем контролировать весь Ближний Восток. Это просто невозможно! Достаточно держать под контролем ситуацию в интересующих нас районах. Не это сейчас главное.

– А что главное?

– Ситуация в России.

– По имеющимся у нас данным, Путин дал указание юристам, продумать ограничительные меры к закону об СПР¹¹.

– В сущности всё к тому и шло, – ответил Мэтт Прэттис, – нынешний президент России, с его точки зрения сделал правильный шаг. России нужны деньги и она их получит. Меня смущает другое обстоятельство.

– Какое?

– Гораздо проще было инициировать отмену закона через Госдуму. Путин на этом бы ещё и политический капитал заработал. Однако он прибёг к юридической казуистике, фактически сделав всё в тайне. Почему Конрад?

– Чем бы ни руководствовался Путин, деньги всё равно разворуют, – рассмеялся Бренд

– Вокруг России необходимо создать пояс нестабильности, – сказал Прэттис.

– Мы занимаемся этим, – кивнул Конрад Бренд, – и первым звеном в этом поясе будет Грузия. Там грядут перемены.

Как не старался Шеварднадзе угодить американцам и рвать экономические связи с Россией, но бизнес руководствуется денежной выгодой, а не планами политиков. Разрушенные связи России и Грузии восстанавливались, и поделаться с этим Шеварднадзе ничего не мог. Однако его действия во вред грузинскому бизнесу не прибавляли ему друзей в Грузии. Тревожным «звонком» для Шеварднадзе стало создание организации «Национальное движение». Она была создана на деньги Джорджа Сороса. Её лидеры – Михаил Саакашвили и Зураб Жвания, направили полторы тысячи человек на обучение в Сербию. Именно там молодёжное движение «Отпора» свергло президента Слободана Милошевича.

---

¹¹ Закон об СПР – закон №225-ФЗ от 30.12.1995 года. «О соглашении, о разделе продукции». Был принят при лоббировании Г. Явлинского и его блока «Яблоко». По этому закону США даром, ни копейки не заплатив в бюджет РФ, вывозили полезные ископаемые из России.

Серебряный Лис¹² понял, что готовится переворот в Грузии. Он попытался поднять свою популярность в стране и бросился налаживать отношения с Россией. Для чего начал войсковую операцию в Панкийском ущелье. Грузинские военные стали вытеснять чеченских боевиков с территории Грузии. Однако ещё раньше, руководство МГБ Грузии за деньги, «слило» информацию о планах своего правительства полевым командирам чеченских бандформирований. Отряды боевиков стали перебираться в Ингушетию, Чечню и Северную Осетию.

Очень легко из своего соседа сделать врага, а потом, что бы заслужить его доверие, потребуется много времени, его у Серебряного лиса как раз и не было.

Обучившаяся на деньги Сороса молодёжь, вернулась в Грузию и организовала движение «Кмара»¹³. У этих технологов революций, метод давать незамысловатые названия своим организациям. На Украине воспитанники Сороса организовали движение под названием: «Пора».

Второго ноября в Грузии проходили парламентские выборы. Именно они и были сигналом действия для «Кмары». ЦИК Грузии сообщил о победе блока Шеварднадзе «За новую Грузию». Однако «Кмара» заявило, что выборы сфальсифицированы и на самом деле победило «Национальное движение» Михаила Саакашвили. Как было на самом деле, никого не интересовало. 21 ноября Госдепартамент США объявил о том, что выборы в Грузии сфальсифицированы. Дальше пошло по сценарию Сороса: в Тбилиси начались митинги организованные «Кмарой».

22 ноября митингующие во главе с Саакашвили, у которого в руках был букет роз, ворвались в парламент, в тот момент, когда там выступал Шеварднадзе. Седой лис никогда не отличался храбростью, а увидев толпу, орущую: «Уйди в отставку», он сбежал из парламента.

Шеварднадзе заперся в своей резиденции и дрожал от страха, а спикер парламента Нино Бурджанадзе объявила себя исполняющим обязанности президента Грузии.

Именно репортаж CNN из грузинского парламента 23 ноября в своём номере отеля «Веллингтон» на Таймс – сквер, смотрел Хафиз Абд – Салех, когда к нему пришёл Фрэнк Конте. Итальянец заявил, что предложения Хафиза весьма интересно и заслуживает внимания.

– Но, уважаемый Хафиз, – продолжал Конте, – не стоит вам замыкаться на Ираке. Смотрите на свою идею шире. Пусть ваша организация объединит весь мусульманский мир. Не следует отделять себя от ваших единомыслителей на Кавказе, в Таджикистане и Узбекистане.

Хафиз улыбнувшись, выключил телевизор. Он всё понял.

– Тогда, а я в этом просто уверен, вы легко найдёте людей, которые помогут вам финансами, – продолжал Конте.

– Обсудим детали? – предложил Хафиз.

Летом 2003 года друг из МГБ Грузии – Леван Габуния, посоветовал Руслану Гелаеву увести свой отряд из Панкийского ущелья. Именно тогда сотрудник МИ-6 пуштун Сейф Исмаил передал Гелаеву десять ПЗРК «Игла»¹⁴, в придачу с британским телеоператором, который должен был зафиксировать на видеокамеру, как «Игла» действует против русской авиации.

«В ноябре Шеварднадзе будет не до Панкийского ущелья, и ты Хамзат¹⁵, сможешь спокойно сюда вернуться» – обещал Леван Габуния.

Амир арабских моджахедов Абу Валид изъявил желание уйти из Панкиссии с отрядом Гелаева. Дело в том, что Сейф Исмаил попросил Абу Валида присмотреть за британским оператором, находящимся в отряде Гелаева.

---

¹² Серебряный Лис – кличка Эдуарда Шеварднадзе на Западе.

¹³ «Кмара» – с грузинского языка, на русский язык переводится: «Хватит».

¹⁴ ПЗРК «Игла» – переносной зенитно-ракетный комплекс, российского производства.

¹⁵ С начала девяностых годов Руслан Гелаев взял себе имя Хамзат.

Через границу отряду Гелаева приходилось прорываться с боем, разгромив одну пограничную заставу в Северной Осетии. Скрытного перехода, как планировал Руслан Гелаев, не получилось. В горах отряд обложили разведгруппы ГРУ и ФСБ, наводя на моджахедов авиацию и артиллерию. С вертолётов их расстреливали как волков, и в этой круговерти британский журналист погиб, теперь Абу Валиду делать в отряде Гелаева нечего, но и уйти невозможно, легко нарвёшься на одну из разведгрупп кафаров.

Гелаев применил свою фирменную тактику: он разбил отряд на несколько групп, и дал им команду пробиваться в разные стороны, а вырвавшись из кольца окружения, уходить в Грузию. С собой Гелаев оставил группу в двадцать шесть моджахедов, куда вошёл Абу Валид.

Разбитый на группы отряд, своими действиями одновременно в нескольких местах, сбил с толку кафаров и в этой суматохе, группа Руслана Гелаева смогла скрытно выйти из окружения. Потом перебрались из Северной Осетии в Ингушетию. Там между аулами Чемульга и Гелашки, был заранее оборудован лагерь, где можно до поры до времени затаиться.

Тем временем федеральные силы добивали гелаевцев разбитых на отдельные группы, попавшие в плен боевики, все как один утверждали, что Руслан Гелаев уходит в Грузию. К границе с Грузией стянули дополнительные силы и перекрыли её практически наглухо, но Гелаев как сквозь землю провалился. Он прекрасно понимал, что кафары с помощью пленных моджахедов восстановят первоначальную численность его отряда, а недосчитавшись почти тридцати человек, не успокоятся и будут продолжать его искать. Руслан молил Аллаха, чтобы как можно дольше, кафары не вышли на его лагерь. В конце ноября выпадет снег, тогда он со своими моджахедами уйдёт через перевал Бацы – Буца в Грузию. В это время в горах всегда нелётная погода и кафары не смогут поднять в воздух «вертушки». От своих информаторов Гелаев знал, что кафары продолжают его искать, но уже не так интенсивно.

25 ноября в лагерь Гелаева пришли Маленький Омар¹⁶ и Абу Джаррах¹⁷. Привёл их Муса Шавкаев, живущий в ауле Чемульга. В отсутствие моджахедов Муса присматривал за лагерем.

– Всякий гость по воле Аллаха, даже Маленький Омар, – криво усмехнулся Гелаев, после традиционного приветствия.

– Не будем вспоминать наши прошлые разногласия Хамзат, – развёл руками тот.

Летом, едва отряд Гелаева обосновался в Ингушетии, к нему явился Маленький Омар. Он стал требовать, что бы отряд Руслана присоединился к ингушскому джамаату¹⁸ и вместе с ним напал на город Моздок.

В планах Гелаева было тихо отсидеться в своём лагере, а поздней осенью уйти в Грузию. Он заявил Маленькому Омару, что его люди устали от боёв с кафарами и им нужно отдохнуть. Крепко они поругались тогда с Маленьким Омаром, и тот пригрозил, что попросит Абу Джарраха не давать денег Гелаеву. Однако Руслана эта угроза мало тронула, так как деньги он получал от Хож – Али Нугаева, более известного в криминальных кругах под кличкой Хоза. Это бывший начальник внешней разведки Ичкерии, теперь глава «правительства Ичкерии в изгнании». Как раз Нугаев и рекомендовал Руслану Гелаеву держаться подальше от арабов и ваххабитов. Дело в том, что Хож – Али Нугаев наладил в США через Мэтта Прэттиса финансовые каналы, но деньги будут получать лишь «умеренные борцы за свободу Ичкерии», отмежевывавшиеся от арабских террористов. Однако таких «умеренных» на Кавказе уже не было. Один Руслан Гелаев поддерживал имидж «борца за свободу Ичкерии».

---

¹⁶ Маленький Омар – арабский террорист Абу Дзейт Тауфик аль-Джедани. Гражданин Кувейта, в прошлом актёр детских передач на телевидении Кувейта. Специалист по пропаганде и минно-взрывному делу.

¹⁷ Абу Джаррах – Абу Джаррах Урдани, арабский террорист. Гражданин Иордании. Финансовый агент между боевиками на Кавказе и арабскими террористическими организациями.

¹⁸ Джамаат – община мусульман. Ваххабитские боевики так именуют своё подполье.

После ссоры с Гелаевым, Маленький Омар провёл несколько громких терактов и отвлек внимание кафаров на себя.

– Прости Хамзат, летом я повёл себя неразумно, – приложил ладонь к груди Маленький Омар. Он посмотрел на потолок землянки, где они сидели, и продолжил:

– В то время ты едва обрёл это убежище. За тобой как стая гонимых псов шли кафары, они только – только потеряли твой след, а я пришёл к тебе со своим предложением. Я был не прав тогда, – Маленький Омар вздохнул и закончил, – теперь-то я понимаю, как хорошо иметь надёжное убежище.

Маленький Омар говорил искренне, летом 2003 года моджахеды купили дом на окраине села Кантышево в Ингушетии. Он был оформлен на имя Мусы Кодзоева, дальнего родственника одного из членов ингушского джамаата. Сам Кодзоев никак не связан с ваххабитами, и моджахеды не опасались, что на дом обратят внимание оперативники ФСБ или МВД.

В новом доме часть подвала переоборудовали в убежище для Маленького Омара. Оно состояло из двух комнат: в одной была спальня, в которой находились компьютер, радиостанция и даже оборудована монтажная мастерская, где Маленький Омар мог монтировать фильмы о действиях моджахедов. В другой комнате располагались душевая и туалет. Вход в бункер оборудован со стороны кухни под газовой плитой. Всё в этом бункере было так хорошо продумано, что Маленький Омар пришёл в восторг от своего нового жилища.

От искреннего тона Маленького Омара, Гелаев почувствовал себя неловко, махнув рукой, сказал:

– Не будем говорить о прошлом.

– Что ж Хамзат, раз ты не хочешь говорить о прошлом, поговорим о будущем, – сказал молчавший до сих пор Абу Джаррах, – я несколько дней назад разговаривал со своим братом Абу Мусабу аз – Заркави, он помощник весьма уважаемого шейха Фараж Ахмад Наджмутдина, которого кафары удерживают в норвежской тюрьме.

– И что сказал тебе твой брат? – поинтересовался Гелаев.

– В Ираке начинаются большие дела, – ответил Абу Дарах, – наши братья там объявят джихад неверным. Но не для этого звонил мне аз – Заркави.

– Что же он хочет? – спросил Абу Валид.

– Принято решение объявить джихад для всех наших братьев мусульман, – ответил Абу Джаррах, – мы поднимем на борьбу правоверных в России, Таджикистане, Киргизии и Узбекистане. Создадим единый Халифат от Марокко до Китая. Однако сидя в горах Кавказа, мы не можем заниматься делом объединения наших братьев. Это должен делать тот, кто не связан напрямую войной с кафарами.

– Таких много, – усмехнулся Гелаев, – кого ты конкретно имеешь в виду?

– Твоего друга Хож – Али Нугаева. Вы его зовёте Хоза, – ответил Абу Джаррах.

– Почему именно он?! – вырвалось помимо его воли у Абу Валида.

Именно Абу Валид свёл Нугаева с арабским бизнесменом Анваром Хароги, который в свою очередь познакомил Хозу с влиятельными американскими политиками. Но что самое обидное, самого Абу Валида к делу не подпустили. Вдобавок Хоза перебил у него торговлю оружием с ангольцами. Всё это не прибавляло любви Абу Валида к Хозе. Профессиональный разведчик Абу Валид смог ввести в окружение Хозы своих людей. Всё это он сделал с целью устранения насалившего ему Хож – Али Нугаева. Вот теперь выясняется, что на Хозу делают ставку в большой игре.

– Потому что Хоза уже занимается этим делом, – пояснил Абу Джаррах, – в его «Стамбульском бюро Ичкерии» налажены контакты с нашими братьями из партии «Хизбут Тахрир»¹⁹. А нам следует начать джихад так же и в Средней Азии.

– Для этого совсем необязательно использовать Хозу, – возразил Абу Валид.

Хоза обосновался в Баку, и со дня на день, люди Абу Валида должны будут организовать на него покушение. Именно по этой причине, Абу Валид продолжал находиться в отряде Руслана Гелаева. Тот поддерживал постоянную связь с Хозой, и араб хотел получать больше информации о Хозе. Вдобавок, находясь в отряде Гелаева, Абу Валид подтвердит своё алиби после смерти Нугаева, если кому придёт в голову заподозрить его в этом.

– Как я тебя понял Абу Джаррах, ты хочешь, что бы я передал Хозе ваши предложения, – кивнул Гелаев, – такое по телефону не решишь, необходимо вызвать Хозу для личных переговоров.

– Значит, найди возможность поговорить с Хозой лично, – ответил Абу Джаррах.

– Хорошо, – Гелаев встал и вышел из землянки.

В трёх метрах от землянки находилась лёжка часового. Там дежурил Малгобек Таишев, один из двенадцати новобранцев, прибывших в отряд Гелаева после его прорыва через границу.

– Проводи гостей до их землянки, – приказал ему Руслан. Он заглянул в схрон и сказал своим гостям: – Абу Джаррах, вам приготовили землянку, отдохните там. Завтра после утреннего намаза вы отправитесь домой.

– Я сегодня переночую с нашими гостями, – решил Абу Валид.

– Как знаешь, – пожал плечами Руслан.

В лагере Гелаева было оборудовано семь землянок. Между ними вырыты тропы, заложенные дёрном. Так что земля около землянок была не примята и лагерь не то, что с воздуха, находясь рядом, в пяти метрах, трудно обнаружить. В обязанности часового входило закладывать дёрном тропинку, после того как моджахеды войдут в свою землянку.

Малгобек укладывал дёрн около землянки гостей, а те оставили неприкрытой дверь, что бы хоть немного проветрить воздух внутри схрона. Таишев слышал голос Абу Валида, тот говорил по-арабски, но Малгобек обучался в медресе, и немного понимал арабскую речь.

– Чем вызвано такое внимание к Хозе? – спросил Абу Валид.

– Анвар Хароги, которого ты знаешь, обещал нам дать денег на наш джихад, – ответил Абу Джаррах.

– Вот оно что! – изумился Абу Валид.

«Значит, американцы опять затеяли какую-то игру, – подумал Абу Валид, – следовательно, через Хозу пойдут большие деньги. Вовремя я решил подвести к этому выскочке Теймураза. Что ж самое время Хозе покинуть этот бранный мир».

– Не осуждай меня Абу Джаррах, но я не одобряю такой выбор, – сказал после некоторых раздумий Абу Валид.

– Выражай точнее свои мысли, – заметил Маленький Омар, до этого молчавший.

– Вы плохо знаете Хозу, – ответил Абу Валид, – в прошлом, Хож – Али Нагаев был обычным бандитом. Он им и остался. Прикрываясь идеями джихада, Хоза думает лишь о личной выгоде.

– У него связи с Борисом Березовским, – ответил Абу Джаррах, – а тот может нам помочь в организации финансовых каналов для джихада в России и Узбекистане.

---

¹⁹ «Хизбут ут-Тахрир аль-Ислами» – по-русски: «Партия освобождения Ислама» Организация, запрещённая в РФ. Международная панисламистская организация, основанная в 1953 году в Восточном Иерусалиме.

– У меня есть хорошие контакты с людьми из британской разведки МИ-6, – возразил Абу Валид, – Березовский живёт в Лондоне, и эти люди помогут мне выйти на него. Я уверен, что найду общий язык с Березовским.

– Нужно обдумать все, что ты сказал, – ответил Абу Джаррах, и закрыл дверь землянки. Больше Малгобек ничего не услышал, он вернулся на свою лёжку.

Утром, после намаза, Абу Валид сказал Гелаеву, что должен уйти с Маленьким Омаром и Абу Джаррахом. Возле аула Шелашки люди Маленького Омара ждали их на трёх автомашинах. Проехав пять километров, Абу Валид попросил остановиться. Он по телефону спутниковой связи позвонил Теймуразу Беишеву. Именно его, месяц назад Абу Валид направил в Баку, для организации покушения на Хозу.

– Всё в порядке, – отвечал Теймураз, – скоро ты услышишь интересные новости.

В это же самое время Руслан Гелаев по спутниковой связи связался с Хож – Али Нугаевым.

– У меня очень важные новости для тебя, – говорил ему Гелаев, – нужно срочно увидеться.

– Каким образом? – спросил Хоза.

– Приезжай к Сеиду, – ответил Гелаев, – я буду у него через четыре дня.

– Хорошо, – ответил Хоза и отключился.

«Сеидом» звался связной Руслана Гелаева, пастух Магомед Ахматханов, живущий в ауле Нижние Хваршини в Дагестане.

Хотя поиски отряда Гелаева велись уже не так интенсивно, но район облетали самолёты дальнего радиолокационного обнаружения А-50. Телефонные переговоры Абу Валида и Руслана Гелаева были зафиксированы. К местам, откуда они велись, были направлены разведгруппы, но автомашины Маленького Омара успели далеко отъехать, а Гелаев быстро увёл свой отряд. Две разведгруппы обнаружили лишь покинутый лагерь боевиков, и он был внесён в базу данных ФСБ.

Глава 3

« Я думаю, любое укрепление российских позиций на постсоветском пространстве, вызовет в Америке серьёзную озабоченность, а в определённых кругах крайнюю нервозность».

Дмитрий Саймс, политолог из США.

Ноябрь 2003.

Ещё со времён Александра Невского, русская интеллигенция, хотя в то время на Руси и слова такого не знали, была очарована Западом. По существу, часть русской интеллигенции всегда была враждебна своему народу. Князь Михаил Черниговский – главный антипод Александра Невского, любил Запад и призывал тамошних рыцарей в поход на Русь. Только страх перед Батыем спас в то время русского смерда от рыцарских мечей. То же было и спустя несколько веков, когда князь Андрей Курбский, уличённый в шпионаже Иваном Грозным, бежал в Польшу, и оттуда обличал бывшую родину, призывая иностранную интервенцию на Русь.

Просвещённый XIX век мало что изменил, русские интеллигенты, сидя на Западе и сытно живя на деньги русского мужика, ругали « немытую Россию». Так продолжалось и дальше, когда в конце века XX, русский интеллигент, попивая водочку на своей кухне, костерил свою страну и власть, восторгаясь порядками на Западе.

Наконец вождельный капитализм пришёл в Россию, и интеллигент, вмиг превратившись в «бюджетника», вкусил все прелести западной демократии. Слушая свой урчащий от голода живот, он быстро перестал любить Запад, стал патриотом своей родины. Политика, как известно, дело коллективное, в одиночку там ничего не сделаешь. Будь лидер хоть трижды гением и харизматичной личностью, без команды единомышленников, ничего не выйдет. В конце девяностых годов, группа бывших и действующих сотрудников спецслужб, добилась назначения на пост премьер – министра Владимира Путина. Потом на волне патриотизма, вызванного второй чеченской войной, армия смогла выдавить чеченских боевиков за пределы страны. Процесс распада государства приостановился, но и только, эта угроза ещё висела над Россией.

Потому в сумрачный день конца ноября, в своём доме, находившемся недалеко от посёлка Истра в Подмосковье, Василий Петрович Леднёв собрал своих друзей. Сам Леднёв, весьма бодренький старичок, восьмидесяти девяти лет, живо интересовался политикой и экономикой. Оно и понятно, Леднёв бывший разведчик – нелегал, генерал КГБ. Именно Василий Леднёв в своё время стоял у истоков операции секретного отдела ЦК КПСС и управления «С» ПГУ КГБ СССР²⁰ по подбору наиболее медийных общественных деятелей Запада, с целью формирования положительного образа СССР в глазах общественности западных стран.

Сын Василия Петровича: Евгений, генерал – лейтенант ФСБ, ранее был заместителем директора 1-го департамента ФСБ²¹. В настоящий момент он занимал должность заместителя главы администрации президента РФ, курировал вопросы внутренней политики и противодействия коррупции.

Ближайший друг Василия Леднёва – Виталий Александрович Абердин, так же разведчик-нелегал. Всю Великую Отечественную войну он проработал в Германии, там и женился. Его сын Пётр, родившийся в сорок первом году, до тринадцати лет даже не предполагал, что является наполовину русским. Он считал себя чистокровным немцем. Пётр так же принимал участие в совещании у Леднёва.

---

²⁰ Управление «С» ПГУ КГБ СССР – управление нелегальной разведки в Первом главном управлении (ПГУ) КГБ СССР.

²¹ 1-й департамент ФСБ – центр противодействия терроризму ФСБ РФ.

В семьдесят первом году Пётр Абердин, оставив своего семилетнего сына на попечение родителей, уехал с женой Валентиной, разведчиком – нелегалом в США. Им удалось натурализоваться в Америке по старой легенде своего отца: тот под именем Карла Амстуца, легализовался в США ещё перед второй мировой войной. Он работал в Банке международных расчётов, всю войну прожил в Германии. В конце 1945 года Карл Амстуц перебрался жить сначала в США, оттуда в 1950 году переехал в Париж. Спустя несколько лет он с женой оформил фиктивный развод, и его семья была переправлена в СССР. Таким образом, только в тринадцать лет Пётр Абердин стал учить русский язык.

В 1958 году Карл Амстуц разбился и сгорел в своей автомашине. За несколько лет до этого, он в своём завещании распорядился похоронить его в Парагвае рядом с могилами матери и отца. Так был выведен из операции нелегал Виталий Абердин.

В семьдесят втором году из Канады в США приехал Петер Амстуц с женой-чешкой Божей. По старым связям отца, ему удалось устроиться в США. Он смог стать помощником Вильяма Уолби. Тот в 1973 году был назначен на пост директора ЦРУ. По традиции, директор ЦРУ становился одновременно и директором Центральной разведки США – координационного органа управляющего работой ЦРУ, АНБ²² и разведывательного управления министерства обороны США.

Это было золотое время внешней разведки СССР. В 1974 году ПГУ КГБ СССР возглавил Владимир Александрович Крючков, прирождённый аналитик. В то время в ПГУ была разработана операция «Объявление». Суть этой операции состояла в том, что в Канаде, Франции и Великобритании разведчики ПГУ работающие под дипломатическим прикрытием, предлагали видным политикам этих стран, большие деньги за работу на СССР. Пошла череда дипломатических скандалов, и советских дипломатов одного за другим выслали из разных стран. Эффект оказался потрясающим: среди сотрудников ЦРУ возникло мнение, что русские хорошо платят за переданные сведения. Именно так был завербован Олдридж Эймс, самый ценный агент ПГУ КГБ за всё время. Он предложил свои услуги в посольстве Советского Союза в Вашингтоне, куда якобы пришёл на контакт с советским дипломатом. Тогда же был завербован Роберт Хансен представитель ФБР в Государственном департаменте США, от него в КГБ шла информация о том, что собирается предпринять контрразведка США против разведок КГБ и ГРУ СССР²³. В тоже время, был завербован Джон Уокер – офицер штаба командующего подводным флотом США в Атлантическом океане. Он сообщал о дислокации американских ядерных подводных лодок. Когда его раскрыли, американцы ахнули: начнись обмен ядерными ударами, американские подводные лодки, были бы уничтожены в течение часа, и США неминуемо проиграло бы войну в ядерном конфликте.

Методы американской и русской разведок отличаются друг от друга. Если в советской разведке на контакт с завербованным агентом выходил только тот оперативник, который его завербовал, то у американцев, всё обстояло по-другому. О завербованном агенте знала вся резидентура, и по очереди с ним выходили на связь все разведчики. Ещё со времён Евстратия Медникова²⁴ в Российской империи была отменена налажена служба наружного наблюдения. Так же хорошо она работала и в Советском Союзе. Потому на контакт с агентом у американцев выходило сразу несколько человек, условными репликами по рации они устанавливали, кому удалось оторваться от слежки. Этот оперативник и шёл на встречу с агентом, а остальные изоб-

---

²² АНБ – агентство национальной безопасности США, организационно входит в состав министерства обороны США. Осуществляет прослушивание средств телекоммуникации всех стран.

²³ ГРУ СССР – главное разведывательное управление Генерального штаба Советской армии.

²⁴ Евстратий Медников – глава службы наружного наблюдения в Департаменте полиции Российской империи в конце XIX и в начале XX века.

ражали бурную деятельность, отвлекая наружное наблюдение КГБ на себя. По этой причине Олдридж Эймс знал о многих «кротах»²⁵ ЦРУ в КГБ и ГРУ СССР.

Операция «Объявление» была очень эффективна: за время с 1974 по 1988 годы, было завербовано 94 информатора, до этого в США завербовали за все годы, всего 23 агента. Самым ценным из них оказался Олдридж Эймс. Его информация была столь значимой, что о нём известно было только двум людям в КГБ: оперативнику, который его завербовал и лично Крючкову. Тот сам работал над всеми донесениями Олдриджа, обезличивая их. Таким образом, невозможно было понять, кто является информатором в ЦРУ. Однако после ухода из ПГУ Крючкова и ухудшения ситуации в стране, всё изменилось.

В августе 1990 года руководство ПГУ приняло решение выводить Петра Абердина из операции и возвращать его домой. Разведчик проработал нелегалом двадцать лет, это огромный срок, нервы могли не выдержать, и тогда неминуем провал. Абердина нужно было возвращать на Родину, однако делать это следовало постепенно, не вызывая подозрения у американцев. Но всё изменил случай: работавший в ПГУ КГБ СССР майор Сергей Пашутин вышел в отставку, и решил заняться бизнесом. Он основал фирму по продаже компьютеров. Пашутин хотел закупить партию компьютеров в Америке, и в качестве оплаты за оргтехнику привёз в ЦРУ информацию о том, что один из высокопоставленных сотрудников этой «конторы» является «кротом» КГБ.

Пашутин не мудрствуя, приехал в штаб – квартиру ЦРУ в Ленгли, объяснил кто он, и что хочет передать. Беседовал с ним начальник контрразведывательного отдела ЦРУ Олдридж Эймс. Во время беседы, он с ужасом осознал, что речь идёт о нём. Эймс нарочито грубо стал разговаривать с Пашутиным, а потом рекомендовал ему идти в свой отель, и в номере дожидаться сотрудников ЦРУ, для более детальной беседы. Обрадованный Пашутин ушёл, а Эймс доложил руководству, что, скорее всего это провокация русских. В то же время он передал сигнал «опасность», своему куратору из КГБ.

ПГУ КГБ сработало моментально: Пашутин в своём номере лёг спать и больше уже никогда не проснулся. ФБР обнаружило в номере Пашутина фотокопию личного дела сотрудника управления «С» ПГУ КГБ Петра Абердина, потом случился шок: было установлено, что Пётр Абердин, это Питер Амстуц, помощник директора Центральной разведки и одновременно директора ЦРУ Уильяма Уэбстера. Всё ФБР было поставлено на ноги, но Питер Амстуц исчез.

Вот так и закончилась заграничная командировка Петра Абердина, а Эймса выдаст очередной перебежчик из КГБ – полковник Алексей Запорожский. Хотя он и работал в Южной Америке, но умудрился узнать об Олдридже Эймсе. К тому времени всё в КГБ, а потом и в СВР²⁶ «разболталось», предательства следовали одно за другим.

Делом Олдриджа Эймса будет заниматься Джина Распел, это и станет трамплином её карьеры в ЦРУ. Олдридж Эймс будет приговорён к пожизненному заключению. Россия неоднократно предпринимала попытки его обмена на пойманных агентов ЦРУ, но безрезультатно. Алексей Запорожский будет арестован в 1994 году, приговорён к пятнадцати годам лишения свободы, но в 1995 году, его обменяют на двух разведчиков-нелегалов задержанных в США.

Однако дорогой читатель вернёмся в дом Василия Петровича Леднёва. Пятым участником этих подмосковных посиделок был Захар Кузьмич Флегонтов. Хотя он в своё время и служил в НКВД, так же как и его друзья, однако к разведке никакого отношения не имел, ибо всю жизнь проработал в МУРе – ловил воров и бандитов. Его сынок Владислав, ныне генерал – полковник милиции, был руководителем департамента МВД по противодействию коррупции, и также присутствовал на этих «посиделках».

---

²⁵ «Крот» – агент, работающий в спецслужбе на разведку противника.

²⁶ СВР – служба внешней разведки РФ. С 1991 года после развала СССР стала правопреемницей ПГУ КГБ СССР.

Седьмой гость – Семён Иванович Нифонтов, всю жизнь проработал в аппаратах ЦК КПСС и Совета министров. Когда КПСС не стало, а все работники райкомов и обкомов дружно и публично побросали свои партийные билеты, Семён Иванович, бережно уложил партбилет в шкатулку, и стал банкиром.

Ну вот, дорогой читатель, мы и познакомились со всеми участниками этой тайной вечери, осталось лишь добавить, что семь лет назад, после посиделок этих же товарищей, Владимиру Путину позвонили из аппарата президента Ельцина и предложили работу.

– Вам молодёжи, из-за повседневной текучки, некогда просчитать среднесрочную перспективу, – начал Василий Петрович Леднёв, взглянув на разыгравшуюся за окном метель.

«Молодежь», из которой двое уже перешагнули шестидесятилетний рубеж, а третий подобрался к нему, сидели в своих креслах и ждали, когда Василий Петрович перестанет любоваться пейзажем за окном и закончит свою речь. Тот отошёл от окна, сел за свой рабочий стол, сказав:

– А между тем, думать об этом необходимо уже сейчас. Следует оценить перспективы.

– И каковы же они перспективы? – любопытствовал Владислав Флегонтов, самый младший из «молодых».

– Они не радужные, – вставил Виталий Александрович Абердин, – либо мы в кратчайшие сроки, без дополнительных ресурсов, потому как, нам их взять негде, восстановим нашу экономику, либо нас как страны не будет.

– Финансы появятся, – заверил Евгений Леднёв, – со следующего года закон об СРП будет обложен таким количеством подзаконных актов, что практически перестанет действовать. Следовательно, мы сможем получать деньги от продажи наших природных ресурсов. Таким образом, у нас будут свободные средства.

– Но этого мало, – заметил Семён Иванович Нифонтов, – имеющиеся ресурсы, нужно рационально использовать. В первую очередь деньги необходимо направить на восстановление военно – промышленного комплекса. Мы одним выстрелом убьём двух зайцев: перевооружим нашу армию, а восстановленная оборонка, неизбежно потянет за собой вверх предприятия смежников, таким образом, начнётся шевеление и в остальных отраслях промышленности. Вот здесь Петруша и Владик вашим учреждениям необходимо будет поднапрячься и проследить, что бы деньги дошли до места и их не разворовали.

– Мы как будто и раньше не бездельничали, – улыбнулся Владислав Флегонтов, – не знаю как соседи,²⁷ – он посмотрел на Петра Абердина, – а мы работаем, и звёзд с неба не хватаем.

– Теперь работать придётся филигранно, – вставил Захар Кузьмич Флегонтов, – ЦРУ и Госдепартамент в России везде имеют глаза и уши. Потому деньги в оборонку проводить необходимо будет «крысиными ходами». В медиапространстве постоянно поднимать шум, что государственные деньги разворовывают, тогда у американцев не будет вопроса: где деньги?

– Это сделать будет не сложно, – ответил Пётр Абердин. Он вздохнул и продолжил: – Крадут у нас, будь здоров!

– Финансовые потоки мы поставим под контроль, – пообещал Нифонтов, – в этом деле нам поможет заместитель Председателя Центробанка Алексей Смирнов. Соответствующая беседа с ним проведена. В нашем деле кадры решают всё!

– И ещё одно, – сказал Леднёв – старший. Он посмотрел на сына: – Это Женя главным образом касается тебя. Необходимо срочно деприватизировать ФСБ И МВД. Вывести их из подчинения губернаторов. Силовые структуры должны подчиняться только центру. Нам необходима жёсткая конструкция вертикали власти, без всяких шатаний и разнобоев, а потому, следует заменить выборы губернаторов, на их назначение президентом. Лет через пять фаза инерции закончится. Пока находясь в ней, американцы пребывают в эйфории от победы над

---

²⁷ «Соседи» – в центральном аппарате МВД России так зовут ФСБ.

Россией, потом нам предстоят нешуточные бои. Но как говорят: «Не следует бояться Большой игры, её нужно заслужить». Необходимо, что бы государственная конструкция России держалась прочно при любых потрясениях, это залог нашего выживания.

– Вот таков сынок будет вам наш стариковский наказ, – закончил напутствие Захар Кузьмич Флегонтов, – сделать то, о чём мы говорили, будет так же тяжело, как *привести верблюда сквозь игольное ушко*.

Метель, вдоволь накружившись за ночь, наметя большие сугробы, к утру успокоилась. Она заставила чертыхаться дворников убравших снег, а также владельцев автомобилей, откапывающих своих «железных коней». Пётр Абердин мерил шагами свой большой кабинет. Он очень долго к нему привыкал. Раньше у него было предубеждение, что большие начальствующие кабинеты, не рабочую обстановку создают, а подавляют посетителя своим величием. Однако со временем, Абердин заметил, что разгуливая по кабинету, ему лучше думается. Теперь же поразмыслить было над чем.

Служба радиоперехвата предоставила один очень интересный диалог. Его вели бывший глава внешней разведки Ичкерии Хож – Али Нугаев и полевой командир Руслан Гелаев. Причём Гелаев, настойчиво просил о личной встрече. Зная, что его отряд разыскивают, Гелаев всё же вышел на связь с Нугаевым, тем самым обнаружив стоянку своего отряда. Следовательно, разговор очень важный. О чём он?

Абердин связался с секретаршей:

– Виталина, пригласи, пожалуйста, ко мне Павла Дементьевича.

Полковник Данилин – огромного роста, с кулаками – гирями и звероподобной физиономией, производил впечатление тупоголового громилы из банды рэкетиров, но оно тут же менялось, как только Данилин начинал говорить. Сразу видно, умный, ироничный интеллеktуал.

– Павел Дементьевич, а не ошиблись ли мы, посылая Сазонова на контакт с Хозой? – спросил Абердин едва Данилин сел на стул.

– Убыток от ошибки будет не велик, – пожал Данилин своими мощными плечами, – сейчас Нугаев на контакт с нами не пойдёт, а Сазонов лишь обозначит наше присутствие. Впрочем, если вы думаете иначе, всё можно отменить.

– Пусть будет так, как мы наметили, – ответил Абердин.

Хож – Али Нугаев с 2001 года находился в международном розыске как террорист, по запросу России. Однако он спокойно жил в Баку и Стамбуле, даже имел нефтяной бизнес в Новороссийске. Правда, когда Ахмад Кадыров стал разбираться с чеченской нефтью, Хоза эту часть своего бизнеса потерял. Он сосредоточился на строительном бизнесе, и практически все стройки в Баку шли с его участием. В Стамбуле у него так же было несколько проектов.

Зная, что Россия объявила его в международный розыск, Хоза с турецким паспортом несколько раз прилетал в Москву, и даже там ФСБ не досаждало Хож – Али Нугаеву. В конце – концов, он решил, что ФСБ окончательно потеряло его. От того, сильно удивился Хоза, когда прилетевший из Одессы человек назвался сотрудником ФСБ. Вначале этот парень сослался на нового партнёра Нугаева по бизнесу с нефтью – Геннадия Корбана.

После того как Хоза потерял все свои активы в нефтяном бизнесе в Новороссийске, он решил заняться нефтью в Одессе. Для чего наладил контакт с Геннадием Корбаном, входившим в финансовую группу «Приват» украинского бизнесмена Игоря Коломойского. Правда, новые партнёры Хозы, всё норовили «кинуть» его на деньги, что не прибавляло доверия к ним. Но Нугаев ещё надеялся образумить их. Теперь заявился этот парень, сослался на Корбана, и напросился на встречу. Хоза принял его в своём офисе.

– Как дела у Геннадия? – спросил Хож – Али Нугаев.

– Откровенно говоря, понятия не имею как дела у господина Корбана, ибо не имею чести знать его, – улыбнулся посетитель.

– От кого же вы? – насторожился Хоза.

– Я из той организации, которой вы давали подписку о сотрудничестве, – ответил гость.

– Аббревиатура этой организации была КГБ, сейчас её нет, – жёстко ответил Хоза.

– Но остался правопреемник.

– С этой конторой я никаких дел не имел, и иметь не желаю, – Хоза встал, – всего хорошего.

Гость так же встал и направился к выходу из кабинета, у дверей он обернулся и сказал:

– Знаете Нугаев, мы долго терпим, но всякому терпению приходит конец. Вы же помните, что сказал наш президент про сортиры²⁸.

– Вы мне угрожаете?!

– Бог с вами, – рассмеялся гость, – просто к слову пришлось.

Посетитель вышел, а Хоза усевшись за свой рабочий стол, стал размышлять. Из раздумий его вывел телефонный звонок.

– Вассала вaleyкум Хоза, – услышал он в трубке голос с хрипотцой, – Борода тебя беспокоит.

– Вaleyкум вассалам Борода. Как поживаешь? Как твои дела?

– Какие в тюрьме могут быть дела?! – хохотнул Борода. – У судьбы все дела, а у нас только правила внутреннего распорядка учреждения.

В конце восьмидесятых годов Хож – Али Нугаев со своим подельником Мовлади Атгериевым, после отбытия срока за грабёж, объявились в Москве. В то время там было несколько чеченских банд промышлявших рэкетом и угоном автомобилей. Одной из таких банд руководил Лечи Исламов по кличке Борода.

Хоза и Руслан объединили разрозненные чеченские банды, и стали отвоёвывать «свое место под солнцем» в Москве. Их группировка базировалась в ресторане «Лазань», от того их стали именовать «лазанские».

В девяносто первом году милиция пересадила всех «лазанских». Когда члены этой группировки вышли на свободу, то перебрались в Чечню. Как раз в то время там началась первая чеченская война. Борода стал бригадным генералом и командовал отрядом, который именовался «Бригада шейха Мансура». В период между первой и второй чеченскими войнами, почти все «лазанские» находились в Чечне.

Во вторую чеченскую кампанию дела у боевиков пошли плохо, Борода стал налаживать прерванные контакты с ФСБ. При этом он вёл двойную игру с этой конторой, давая им информацию не первой свежести. В конце – концов, в ФСБ решили, что толку от Бороды нет, и в конце 2000 года его выманили на встречу, после чего арестовали.

Осудили Бороду на девять лет, находясь в следственном изоляторе, он перестал играть в свои игры, и как мог, помогал ФСБ. Однажды с его помощью удалось освободить заложника. Но со временем авторитет Бороды среди боевиков стал падать.

– Да Хоза, дела у судьбы, – вздохнул Борода, – а нам сидящим в тюрьме, остаётся лишь следить за новостями. Однако я и тут держу руку на пульсе событий.

– Красиво говоришь! – восхитился Хоза.

– Времени здесь много, книжки читаю, – рассмеялся Борода.

И вдруг Хозу, словно током ударило: наводку на Геннадия Корбана, дал ему именно Борода.

– Я знаю Борода, у тебя большие возможности и ты очень многое можешь, – стал медленно говорить Хож – Али Нугаев.

---

²⁸ Намёк на знаменитую фразу В. В. Путина о том «террористов будут «мочить» и в сортирах».

– Не так уж и много, – вздохнул Борода, – тюрьма есть тюрьма, жизнь здесь не сахар, и без грева²⁹ тяжело. Я звонил Руслану, хотел попросить его «подогреть» меня, но он недоступен.

– Руслан по делам в Америке, – соврал Хоза.

Мовлади Атгериев, которого они именовали Русланом, в этот момент находился на тайной вилле Хозы в посёлке Джарат под Баку. Хоза вызвал его к себе, сразу после звонка Руслана Гелаева.

– Мы поможем тебе Борода, – заверил Нугаев, – наш брат в тюрьме не должен ни в чём нуждаться.

Закончив разговор с Бородой, Хоза подошёл к окну. Погода была мерзкая, дул сильный ветер, шёл дождь со снегом. Хож – Али сквозь жалюзи посмотрел на улицу. Там на проезжей части стояла вереница автомобилей. Он почему-то задержал взгляд на серой «девятке», забрызганной грязью. В этой автомашине сидел Теймураз Беишев со своим напарником Альбертом Рамзаевым.

Два года назад они были телохранителями бригадного генерала Альви Исламова. В ноябре 2001 года в Гудермесе кафары убили Исламова. Теймураз, будучи тогда начальником охраны Исламова, со своими людьми примкнул к отряду Хаттаба. Когда кафары отравили Хаттаба, из всей группы Теймураза в живых остался только Альберт Рамзаев, они перешли к Абу Валиду.

– Когда «бэха» Хозы выедет за ворота, дадим ей отъехать или здесь кончим? – спросил Альберт.

– Зачем тянуть?! Сделаем всё тут, – ответил Теймураз, закуривая сигарету.

– Уже скоро, – взглянув на часы, сказал Альберт, – сейчас он поедет домой.

Однако Хож – Али Нугаев должен был минимум два часа пробыть у себя в офисе. Ему необходимо просмотреть бумаги, присланные из Исламабада. С пакистанцами у Хозы ожидалась хорошая сделка. Зная это, его водитель Ислам, попросил разрешение отвезти своего дядю в аэропорт, тот улетал в Стамбул.

Ислам с дядей как раз шли по коридору, когда Хоза вышел из своего кабинета.

– Благополучно тебе долететь Магомед, – сказал Хоза.

– Спасибо, – поблагодарил тот.

Хоза подошёл ближе к Исламу и Магомеду, и, улыбнувшись, сказал:

– Почему мы так любим зелёный цвет? У меня пальто так же зелёного цвета.

– Потому что это цвет знамени Пророка, – ответил Магомед.

Из ворот офисного здания выезжала чёрная «БМВ».

– Смотри машина Хозы?! – воскликнул Альберт.

– Почему Хоза сидит на переднем сиденье? – удивился Теймураз.

– Какая разница, – усмехнулся Альберт, и нажал на клавишу радиостанции «Кенвуд».

Раздался взрыв, чёрную «БМВ» подбросило, и тут же объяло пламенем.

– Всё, нам тут больше делать нечего, – сказал Теймураз, запуская двигатель «девятки».

Они немного покатались по городу, затем Теймураз припарковал машину на Баиловской улице, достал телефон спутниковой связи, позвонил.

– Ало это я, – сказал он, едва абонент, которому он звонил, отозвался, – у меня плохие новости, твой приятель на пути к Аллаху.

– На всё воля Всевышнего, – ответил Абу Валид и отключился.

---

²⁹ Грев – (криминальный жаргон), помощь заключённому в местах лишения свободы деньгами и продуктами.

Хоза сидел за рабочим столом, когда на улице раздался взрыв. Он даже не подошёл к окну, ибо прекрасно понял, чья машина взорвана.

«Хорошо, хоть не в сортире замочили», – подумал он, вытирая холодный пот со лба.

Было около семи часов вечера и все сотрудники его фирмы разошлись по домам. Через чёрный ход Хоза вышел на улицу. Он уговорил какого-то владельца ВАЗ 2107 довезти его до посёлка Джарат.

– Говорю тебе, это Борода! – спустя час на своей вилле доказывал Хоза, Мовлади Атгериеву.

Приехав к себе на виллу, Хоза первым делом выпил двести граммов коньяку, а потом обо всём рассказал Руслану.

– Всё сходится, – Хоза уселся в кресло. Он разлил коньяк по фужерам и продолжил: – Именно по наколке Бороды, я связался с этим Корбаном.

Руслан выпил коньяк и спросил:

– Но зачем убивать тебя сразу после разговора?! А если бы ты согласился?!

– Тогда, взрыва бы не было, – Хоза поставил фужер на столик.

– Пожалуй, верно, – задумчиво согласился Руслан. Он так же поставил пустой фужер на столик: – Что ты собираешься делать?

– Пока они думают, что я мёртв, переберусь к Гелаеву, а ты разберись с Бородой. Предатель жить не должен.

– Я всё понял, – кивнул Атгериев.

– Только не спеши, – посоветовал Хоза, – подготовь всё как следует, а главное выжди время. Никто не должен связать покушение на меня со смертью Бороды.

Лечи Исламов по кличке Борода, умрёт 4 апреля 2004 года. В тот день он получит посылку, в которой будет копчёное сало курдючного барана, столь любимое каждым горцем на Кавказе. Борода не удержится и тут же съест несколько кусков бараньего сала. Потом его вызовут в оперативную часть. Там оперативники угостят его чаем. К себе в камеру Борода вернётся перед ужином. Ночью Лечи Исламов умрёт. Ему поставят обычный на зоне диагноз: «смерть от инсульта», и поползёт слух, что Бороду отравили оперативники ФСБ.

Глава 4

«Нет неразрешимых проблем – есть неприятные решения».

Борис Абрамович Березовский

Декабрь 2003 года.

– В машине Нугаева, в результате взрыва, погибли водитель Ислам Гасанов и его дядя Магомед Мирзоев, – докладывал полковник Данилин.

– Кто такой Мирзоев и как он оказался в машине Нугаева? – спросил Абердин.

– Магомед Мирзоев, владелец маленькой оптовой фирмы по продаже электробытовых приборов, – пояснил Данилин, – это дядя Ислама Гасанова. Вероятно, водитель Нугаева попросил у него разрешение отвезти дядю в аэропорт. Мирзоев должен был лететь в Стамбул. Произошла ошибка в объекте. Убийцы приняли Мирзоева за Нугаева.

– Павел Дементьевич, а вас не настораживает тот факт, что Нугаева пытаются убить сразу после разговора с Сазоновым? – спросил Абердин, откинувшись на спинку своего кресла.

– Вряд ли здесь есть, какая-либо связь, – пожал плечами Данилин, – как говорил мудрый Ежи Лец³⁰: «Всем правит случай», – Данилин улыбнулся, – правда, он добавлял: «Знать бы ещё кто правит случаем». То, что на Хозу произошло покушение сразу после разговора с нашим сотрудником, должно навести Хозу на размышления, думаю, он подозревает в покушении нас.

– Следовательно, он постарается исчезнуть, – кивнул Абердин.

– Да и мне кажется, Хоза переберётся в отряд Гелаева, – предположил Данилин.

Именно так Хоза и поступил. На следующий день после покушения, Нугаев по паспорту на имя Назарета Назарова, перебрался в Дагестан через пограничный пункт на мосту реки Самур.

Хоза встретился с Русланом Гелаевым у овечьих кошар пастуха Магомеда Ахметханова, в нескольких километрах от аула Нижние Хваршини.

– Если ФСБ решило убрать тебя, то они уже знают, что промахнулись, – сказал Гелаев, выслушав историю Хозы, – тебе необходимо затаиться. Самое безопасное для тебя, это уйти со мной в Грузию, а уже оттуда ты переберёшься в Лондон, и займёшься нашим делом, обсудишь с Березовским все вопросы.

– Ты сказал: нашим делом, – усмехнулся Хоза, – значит то, что затевается в Ираке, ты называешь «наше дело»?

– Да, – кивнул Гелаев, – сейчас самое лучшее для меня, это перебраться в Ирак. Здесь на Кавказе мы свою войну проиграли. Тех, кто этого не понял, в ближайшие год – два перебьют. Нужно уходить в Ирак, а уже оттуда, окрепнув, возвращаться.

– Ты уверен, что сможешь перебраться в Грузию? – сомнения одолевали Хозу.

– Сейчас, самое безопасное время для перехода, – кивнул Гелаев, – погода нелётная, а снега на перевале Бацы – Буци не так много, значит, через перевал можно перебраться.

Гелаев рассчитывал легко одолеть горный перевал, однако: «Мы предполагаем, а Господь располагает». В начале декабря в районе перевала Бацы – Буци выпало много снега, вдобавок ударили морозы под тридцать градусов, дул сильный ветер. Несмотря на это, четырнадцатого декабря, отряд Гелаева в сопровождении проводника, нанятого в ауле Гакко за тысячу долла-

---

³⁰ Ежи Лец – Станислав Ёжи де Туш Лец, польский поэт, философ, писатель-сатирик.

ров, двинулся к перевалу Бацы – Буци. Однако вскоре поднялась сильнейшая метель, и пришлось вернуться.

Все моджахеды в отряде Гелаева были хорошо экипированы для горных переходов: на ногах горные ботинки фирм «Экко» или «Матахорн», зимние синтепоновые куртки и брюки, меховые спальные мешки.

Новобранцы в отряде Гелаева, а их было двенадцать человек, проходили трёхмесячную первоначальную военную подготовку в Панкийском ущелье. Состояла она из двух этапов: первый месяц, будущий моджахед, изучал Коран. При этом новобранец должен был наизусть выучить несколько сур³¹ и рассказать их инструкторам – арабам. Ответить на их вопросы. Те, кто не выдержал этот экзамен, отправлялись домой, ибо моджахед должен знать, за что воюет. Вторые два месяца посвящались военной подготовке. Подъём в шесть утра и шестикилометровый кросс по горам. После обеда опять шестикилометровый марш-бросок, но уже с оружием и тридцатикилограммовым рюкзаком за спиной, набитым камнями. Инструкторы шутили: «Научитесь бегать по горам, на равнине как джейраны³² носиться будете». Моджахеды обучали стрельбе из всех видов оружия, вплоть до зенитных установок, а также рукопашному бою.

После окончания курса обучения, новобранец возвращался домой и ожидал хабар³³, получив вест, он ехал в Баку. Там его встречали эмиссары «правительства Ичкерии в изгнании», которое возглавлял Хож – Али Нугаев, и вручали полторы тысячи долларов. Деньги новобранец должен был потратить на экипировку.

Малгабек Таишев пожалел денег на добротную обувь, он купил обыкновенные брезентовые ботинки «джангли бутс». Как следствие, сейчас он сильно обморозил ноги.

– Эх ты, разве с горами можно шутить?! – ругался Гелаев, разглядывая обмороженные ноги Таишева.

Руслан снял свои ботинки «Матахорн» и отдал их Таишеву, сам одел его брезентовые «джангли бутс». Отряд стал спускаться с перевала, нужно было дожидаться, когда уляжется метель.

Гелаев решил сделать двадцатикилометровый крюк, и отряд вышел к чеченскому аулу Кири, где и встал на ночёвку. Уже в лагере выяснилось, что Малгабек Таишев самостоятельно передвигаться больше не сможет.

– Отправьте его домой, – распорядился Гелаев.

Моджахед по имени Абдурауф, в ауле Кири, за сто долларов договорился с одним из местных, что тот отвезёт Малгабека домой. Во всей этой суматохе, Гелаев забыл снять с Таишева свои ботинки. Он вспомнил о них, когда Малгабек укатил домой. Так и остался Руслан в брезентовых «джангли бутс».

На следующий день, отряд Гелаева вновь пошёл к перевалу. Добирались туда несколько дней, и пришли восемнадцатого декабря.

– Вон там, в трехстах метрах вершина, – ткнул палкой вверх проводник, – до неё вы сможете добраться и без меня.

Проводник ушёл, а Гелаев объявил привал. В отряде на тридцать пять человек, приходилось восемь ПКМ³⁴, вес этого пулемёта без боеприпасов семь с половиной килограммов, а коробка со снаряжёнными патронами ещё два килограмма сто грамм. Также у моджахедов было шесть огнемётов «Шмель»³⁵, его вес одиннадцать килограммов. Вдобавок у каждого мод-

---

³¹ Сура – глава в Коране.

³² Джейран – парнокопытное млекопитающее из рода газелей.

³³ Хабар – переводиться с арабского языка: «вест».

³⁴ ПКМ – пулемёт Калашникова модернизированный.

³⁵ Реактивный огнемёт «Шмель» – реактивный пехотный огнемёт РПО-А «Шмель».

жахеда был одноразовый гранатомёт «Муха»³⁶. Кроме пулемётчиков, остальные были вооружены автоматами АКМ³⁷ или винтовкой СВД³⁸. Моджахеды несли огромное количество боеприпасов. Таким образом, у каждого было на себе по сорок килограмм груза. К тому же двое суток они почти ничего не ели. В день съедали лишь по одному батончику «Сникерса», а в горах мороз тридцать градусов, сильный ветер. Снега на перевале по грудь, на высоте 2700 метров над уровнем моря, из-за разреженного воздуха тяжело дышать. В таких условиях, моджахеды с трудом преодолели двести метров, а на оставшиеся сто метров, сил уже не было. Вдобавок Гелаев обморозил ноги.

Обессилев, моджахеды спустились по склону горы в долину. В лесу, неподалёку от аула Гакко, устроили стоянку. Немного отдохнув, Гелаев отправил Абдрауфа в аул за проводником. Тот, вернувшись, сообщил:

– Нашего проводника в ауле нет. Я привёл его брата, парня зовут Иса.

– Вы не сможете пройти перевал в таком состоянии, – сказал Иса, взглянув на измученных моджахедов, – вам нужен отдых.

– И где ты нам предложишь отдохнуть? – криво усмехнулся Гелаев. – В санатории?!

– В трёх километрах отсюда, есть заброшенная пограничная застава. Вы сможете там отдохнуть, – ответил Иса, – на заставе сейчас никого нет.

Иса довёл отряд до заброшенной погранзаставы, а потом Гелаев отправил его и Абдрауфа в Гакко за продуктами. Обратного пути уже не вернулись. Прождав их почти сутки, Гелаев решил уходить от аула. Он опасался, что Абдрауф арестован, и наведёт на них пограничников. Хуже всего было то, что Абдрауф был местный и хорошо знал эти места. Руслан повёл отряд самостоятельно, по карте, и через три дня вывел его к аулу Метрада. Здесь оголодавшие боевики, не таясь, пришли в магазин, и закупили ящик сгущённого молока, все шоколадные конфеты, которые были в магазине, и несколько коробок лапши «Доширак». Моджахеды отнюдь не были сладкоежками – сгущённое молоко и шоколад обладают большой энергоёмкостью, а это было самым необходимым, они не могли нести с собой много продуктов.

В магазине моджахеды щедро расплачивались долларами. Там же в ауле Метрада, Руслан Гелаев сторговался с двумя жителями, которые за две тысячи долларов, на своих автомашинах «Волга» и «Нива» в несколько рейсов доставили отряд до аула Макали, который был в тридцати километрах.

Потерявшие бдительность боевики, и в ауле Макали появились открыто. Местные жители сообщили на пограничную заставу «Маккок» о том, что в их аул вошли двое вооружённых людей.

Начальник погранзаставы капитан Халиков, взяв с собой восемь пограничников, на автомашине «Урал» бросился в погоню за боевиками. К тому времени в отряде Гелаева осталось тридцать четыре человека, (за время стоянки в Ингушетии, к отряду присоединились новобранцы). Моджахеды остановились на привал в двух километрах от аула Шаури. Часовые доложили Гелаеву, что по дороге едет военный грузовик «Урал». Гелаев принимает решение захватить грузовик и на нём прорываться через границу, до которой всего восемь километров.

Руслан Гелаев из СВД стреляет в водителя грузовика и ранит его, вторым выстрелом он ранил капитана Халикова. Сидящие в кузове пограничники были уничтожены огнём всего отряда. Нападение боевиков было столь неожиданным, а огневая мощь такая большая, что пограничники не успели сделать ни одного выстрела. Гелаев кинжалом добил водителя «Урала», причём удар был такой силы, что кинжал, пробив насквозь тело пограничника,

---

³⁶ Гранатомёт «Муха» – реактивный пехотный гранатомёт РПГ-18 «Муха».

³⁷ Автомат АКМ – автомат Калашникова модернизированный. С патроном калибра 7,62 мм.

³⁸ Винтовка СВД – снайперская винтовка Драгунова.

воткнулся в сиденье. Руслан выволок из кабины Халикова, и швырнул его на землю. Протянул СВД одному из боевиков – новобранцев, Гелаев сказав ему:

– Добей офицера!

Тот узнал Халикова и ответил Руслану:

– Я не могу убить его, это мой земляк. Он из аула Орта Стал, – боевик попятился от Гелаева.

– Тут нет земляков, – процедил сквозь зубы Гелаев, и застрелил Халикова. Взглянув на новобранца, он продолжил: – Здесь есть только твои братья моджахеды и их враги: кафары³⁹ и мунафики⁴⁰.

Руслан из СВД выстрелил в голову боевику:

– Ты оказался плохим братом, – сказал он.

Боевик упал рядом со своим земляком, капитаном Халиковым. Гелаев кинжалом отрезал Халикову голову и заорал:

– Аллах Акбар!

– Аллах Акбар! – нестройным хором поддержали его измученные боевики.

Руслан Гелаев никогда не был жестоким, но боль в отмороженных ногах, неудачи последних дней и голод, сделали его зверем.

– Судя по карте, граница рядом, – сказал Гелаев, – поедем на «Урале».

В этот момент в кабине грузовика заработала переносная радиостанция «Моторола»:

– «Хунзах», Хунзах», я «Мокок»!

– «Мокок», «Хунзах» на приёме, – ответили в эфире.

– Перейдём на двадцать второй канал и «закроемся» – предложил «Маккок»⁴¹

– Понял тебя «Мокок», перехожу на двадцать второй канал.

Алжирец Абу Ясин схватил радиостанцию и стал крутить ручку тумблера настройки каналов. Он нашёл нужный канал, но услышал лишь металлический скрежет.

– Кусомак!⁴² – воскликнул он. Абу Ясин швырнул радиостанцию в кабину: – О чём они говорят?!

– Не нужно быть Пророком, что бы догадаться об этом, – усмехнулся Гелаев, – им известно, что мы уничтожили пограничников и захватили их грузовик. На дороге нас ждёт засада, на «Урале» мы не прорвёмся.

На самом деле, между заставой и погранотрядом шли обычные переговоры. Дежурный на заставе сообщил оперативному дежурному погранотряда, что в зоне ответственности заставы, у аула Макали, замечены вооружённые люди, и тревожная группа во главе с начальником заставы выехала на их перехват. Вероятно, группа капитана Халикова пока ещё никого не обнаружила, потому и не вышла на связь.

– Уходить через границу будем пешком, – решил Гелаев, – грузовик и трупы сбросим в реку.

Погрузив в кузов девять убитых пограничников и одного застреленного Гелаевым боевика, «Урал» столкнули в пропасть. Тем временем, в ауле Шаури, услышав выстрелы, сообщили на заставу.

Пока погранотряд пытался обнаружить боевиков своими силами, тем удавалось лавировать в горах, и ускользать от погони. На следующий день в район высадили группы спецназа

---

³⁹ Кафары – в Коране так зовутся язычники. Боевики на Кавказе, кафарами зовут всех русских

⁴⁰ Мунафики – в Коране так называют лицемеров, людей принявших ислам формально. Боевики так звали мусульман, не разделяющих их взглядов.

⁴¹ Для ведения секретных переговоров в эфире, в радиостанции встраивают шифратор речи, кодирующий разговор. Посторонний, подслушивающий переговоры в эфире по радиостанции, слышит лишь металлический скрежет вместо слов.

⁴² Кусомак – арабский аналог русского выражения: «Ё... твою мать».

погранвойск, ГРУ и ФСБ. В небе постоянно барражировали вертолёты с группами спецназа на борту. Именно с вертолётов заметили отряд Гелаева на хребте Кса и обстреляли его. Двое боевиков были ранены. Однако вскоре поднялась метель, и от применения авиации пришлось отказаться.

Во время метели гелаевцы по отвесному склону поднялись на вершину хребта, и таким образом ускользнули от погони. Но к утру метель закончилась, погода прояснилась, и в небо были подняты бомбардировщики СУ-24. Они «вслепую», только предполагая, где могут быть боевики, отбомбились по склонам гор, вызвав сход лавин. Под снегом погибли четыре боевика, среди которых оказался араб Абу Ясин. И что было совсем плохо, под лавиной пропал алжирец Абу Муссахаб, у которого был JPS-навигатор.

Что бы сбить погоню со следа, Гелаев приказал вырыть в сугробах норы и в тридцатиградусный мороз, отряд просидел в сугробах двое суток. За это время авиация наугад бомбила ледники и склоны хребта, а потом разведгруппы прочёсывали местность. К сожалению, тогда сорвалось в пропасть четверо пограничников.

Понимая, что отряд вскоре обнаружат, Гелаев отправляет братьев – близнецов Ису и Муссу Итаровых разведать дорогу. Иса сорвётся в пропасть, а Муса вернётся к отряду. Он переживёт брата ровно на семь дней.

Гелаев принимает решение спуститься по отвесному склону, с которого сорвался Иса Итаров, и затаиться в одной из пещер. Манёвр почти удался, но когда последний боевик, Киши Хаджиев, спускался по склону, в небе появился вертолёт МИ-24. Он трассирующей очередью, из курсового пулемёта, обозначил для поисковых групп, нахождение боевиков, и этой же очередью ранил в бедро Хаджиева.

Когда отряд спустился в ущелье, Гелаев шепнул Хож – Али Нугаеву:

– Положись во всём на меня, и всегда держись рядом. Поверь мне, мы с тобой выберемся.

В пещере, обессилившие моджахеды, что бы хоть как-то согреться, прижались друг к другу и ели шоколадные конфеты. Магомед Умашев завил:

– Я больше так не могу! Мы здесь вседохнем! Лучше пойти и сдаться кафарам.

– Тогда остаток своих дней, ты будешь гнить в камере, – ответил Киши Хаджиев, его сильно знобило, а раненное бедро жгло, словно калёным железом.

– Пусть так, – кивнул Умашев. Он был сильно простужен и сипел: – Зато я больше никогда не буду мёрзнуть.

– Я пойду с ним, – встал араб Абу Хак.

– Ты-то куда?! – усмехнулся Гелаев. Он массировал свои больные ноги: – Тебя кафары в лучшем случае пристрелят, а скорее всего, забьют прикладами.

– Не бойся, Абу Хак, – сипел Магомед Умашев, – я скажу кафарам, что ты мой брат, тебя контузило, ты не можешь говорить и ничего не слышишь. А когда нас передадут в ФСБ, ты объявишься и скажешь что ты араб.

– Хорошо идите, – согласился Гелаев, – когда кафары возьмут вас, скажите что отбились от отряда два дня назад.

Магомед и Абу Хак стали подниматься по отвесному склону. Однако Абу Хаку не повезло, он сорвался в низ, упав в расщелину метрах в двадцати от отряда.

– Всё, отмучился Абу Хак, – грустно усмехнулся Хасан Хаджиев.

– Может он ещё жив? – спросил Лечи Магомедов.

– Ты что! Упасть с такой высоты и остаться в живых! – покачал головой Хасан.

Ни у кого не было сил встать и добраться до Абу Хака. Его тело пограничники обнаружат спустя две недели. Магомеду Умашеву повезло, он смог подняться на ледник без альпинистского снаряжения. Потом он лежал на вершине ледника без сил и плакал.

Тем временем Гелаев обратился к своим моджахедам:

– Братья! Аллах испытывает нас холодом, голодом и пулями кафаров. Так будем же стойкими! Те из вас, кто ещё в силах, должен сейчас же идти в Грузию. Возьмите остатки еды и идите. Когда доберётесь до Грузии, не забывайте о нас и приведите помощь.

Идти вызвалось шестнадцать человек. Среди них были Али и Лечи Магомедовы, Хасан Хаджиев, Магомед Умаров. Они поднялись по склону на вершину хребта, и тут к ним присоединился Магомед Умашев. По пояс в снегу, семнадцать боевиков преодолели вершину хребта и стали спускаться в низ. Лётчики МИ-8 патрулирующие этот район, заметили следы на вершине хребта и сообщили пограничникам, о предполагаемом маршруте боевиков.

С Гелаевым оставалось двенадцать человек. Он обратился к ним:

– Братья, нам нужны продукты. Предлагаю тем, кто ещё способен двигаться, идти со мной.

Вызвались: Хож – Али Нугаев, Рамзан Ибашев, Весит Газмагомедов, Ахмет Акбулатов и Адам Умаханов. Остальные были ранены и ослаблены, либо обморожены так, что не могли передвигаться. Рамзан Ибашев тоже был ранен в руку, но решил идти с Гелаевым.

Разведгруппы продолжали поиск боевиков. Утром следующего дня, одна из них обнаружила шестерых боевиков в пещере ущелья. Сообщив о месте нахождения боевиков другим группам, пограничники стали ждать подхода остальных разведчиков.

Группа из семнадцати боевиков, (к которой пристал Магомед Умашев), спустилась с хребта и остановилась на ночевку. Боевики были так измучены, что не выставили охранения. Утром их обнаружили пограничники, они открыли огонь по боевикам. По времени, это совпало с боем в ущелье. Однако там, боевикам было вначале предложено сдаться, но те ответили бешеным огнём. Разведчики навели вертолёт, и он выпустил в пещеру два НУРС⁴³. После чего в пещеру вошли разведчики и обнаружили тела шести боевиков. В это же время у подножия хребта, пограничники расстреливали другую группу боевиков. Лечи Магомедов, с первых же выстрелов был ранен в руку и ногу, он упал на землю. К нему подскочил Магомед Умашев, умудрившийся в этой суматохе подобрать пулемёт и два спальных мешка. Он поднял Магомедова, и они, прикрываясь камнями, побежали вверх. Боевики шли пока были слышны выстрелы. Затем Умашев выбрал площадку на краю пропасти, и постелил два спальных мешка. Лечи Магомедов лёг на один из них, и тут же потерял сознание. Умашев перевязал его, бинтом из своего индивидуального пакета, потом влез в другой спальный мешок и уснул.

Хасан Хаджиев и Магомед Умаров, едва пограничники открыли огонь, так же смогли выскочить из-под огня, но ушли вниз по склону. Остальные боевики были уничтожены.

Умашев проснулся от шума падающего камня, он осторожно выбрался из спального мешка и спрятавшись за огромным валуном, посмотрел на тропу, по которой они с Лечи Магомедовым поднялись. По тропе шла цепочка пограничников. Они не заметили боевиков и продолжали подниматься вверх. Пограничники скрылись из виду. Лечи Магомедов, был всё время без сознания, а Умашев вновь влез в свой спальный мешок и уснул. Проснулся он от толчка. Магомед открыл глаза и увидел стоящего над собой пограничника.

– Лежи спокойно дух⁴⁴, из спальника не вылезай, – шёпотом сказал пограничник. Он ногой столкнул пулемёт Умашева в пропасть, потом позвал своих товарищей.

В тюремной больнице Лечи Магомедову ампутировали правую ногу по колено и несколько пальцев на правой руке.

Хасан Хаджиев и Магомед Умаров, вырвавшись из кольца пограничников, без еды проплутали по горам два дня. Не выдержав, Умаров лёг на камни и сказал, что будет умирать.

– Ты полежи, отдохни, – похлопал его по плечу Хаджиев, – я посмотрю, что здесь в округе.

⁴³ НУРС – неуправляемый реактивный снаряд.

⁴⁴ Дух – так ещё со времён войны в Афганистане звали моджахедов.

Сколько Хасан отсутствовал, Умаров сказать не мог, потому, что был то ли без сознания, то или спал. Он очнулся он от того, что его тряс за плечо Хаджиев.

– Здесь совсем рядом овечьи загоны и домик пастуха, – сообщил он, – там сейчас никого нет. Еды я не нашёл, но там можно переночевать. Давай я помогу тебе подняться.

Они переночевали в сарае на сене, а утром пришли пастухи. Хасан договорился с ними, что пойдёт в село и пастухи дадут ему еды. Хасан взял автомат Умарова, а тому оставил свою винтовку СВД. Хаджиев ушёл и пропал. Встретились Умаров и Хаджиев только на суде.

Магомед Умаров целый день провалялся в забытьи, а когда стало темнеть, увидел в сарае пограничников. Те как раз в это время заметили торчащий из стога сена ствол СВД, и сняли автоматы с предохранителей.

– Не стреляйте! – просипел Умаров, он был сильно простужен.

Один из пограничников хотел подойти к боевику, но его товарищ, удержал:

– Подожди Толян, у него может быть пояс шахида, – сказал он.

– Нет у меня взрывчатки, – ответил Умаров, – я пришёл сдаваться.

Он ногой толкнул СВД на землю и кое-как встал.

29 декабря группа Руслана Гелаева добралась до аула Нижние Хваршини. Боевики вошли в крайний дом и потребовали еды. Их накормили, но попросили уйти. Гелаев повёл группу в направлении аула Метрада. В нескольких километрах от аула, он сделал привал.

– Судя по карте, нам ещё неделю до границы идти, – сказал Гелаев, – мы с Хозой ходим в аул и раздобудем продуктов, а вы пока отдохните.

Ибашев, Газмагомедов, Акбулатов и Умаханов остались. Они прождали Гелаева и Хозу целые сутки, не дождавшись, самостоятельно двинулись к границе. На четверых, у них оставалось три батончика шоколада «Марс», он закончился через три дня. Последующие четыре дня они шли без еды. Пробирались вдоль русла реки. Рамзан Ибашев, оступившись, упал в реку. Воды там было по пояс, но на боевике был рюкзак битком набитый металлическими коробками с пулемётными лентами, и сил подняться на ноги у Рамзана не было. Его обессилившие товарищи, вытащить Рамзана также не смогли, и он утонул. Тело Ибашева через две недели обнаружат пограничники.

Измученные боевики смогут перейти границу, они доберутся до поста грузинских пограничников и сдадутся. Грузия в то время пыталась наладить отношения с Россией, этих боевиков передадут российским властям.

Никем не замеченные Гелаев и Хож – Али Нугаев дойдут до аула Нижние Хваршини. У Гелаева с собой было больше миллиона долларов. Они спрячут деньги между камней, захватив с собой сто пятьдесят тысяч. Ночью Гелаев с Хозой проберутся в дом Магомеда Ахматханова, отдадут ему деньги, пообещав дать ещё сто пятьдесят тысяч долларов, если он укроет их. Гелаеву требовалось лечение – он был ранен в руку и обморозил ноги.

Трупы боевиков гелаевского отряда будут собирать по горам несколько месяцев. Задержанными окажутся семь человек. С их помощью ФСБ будет знать подлинную численность отряда. Однако оперативники не смогли установить местонахождение Руслана Гелаева, Хозы Нугаева и двух арабов: Абу Массахаба и Абу Ясина. Так же не смогли выяснить полные данные боевиков по кличке Муслим и Абдрауф. Первого Гелаев с обмороженными ногами отправил домой, а другой исчез, когда отряд ночевал на заброшенной погранзаставе.

На суде Адам Умаханов, Ахмет Акбулатов, Али Магомедов, Весит Газмагомедов и Магомед Умаров смогут доказать, что они новобранцы и это был их первый выход в отряде Гелаева, до этого, они участия в боевых действиях не принимали. Они получают от шести до семи с половиной лет лишения свободы. Хасан Хаджиев и Магомед Умашев давно воевали в отряде Гелаева, потому будут осуждены на двадцать лет лишения свободы.

Глава 5

«Современные технологии, конечно, позволяют военным и спецслужбам собирать огромное количество информации о гражданах, однако те же самые технологии, делают любую закрытую систему более уязвимой, увеличивая вероятность утечки».

Джулиан Ассанж, интернет – журналист, основатель сайта Вики Ликс.

Январь 2004 года.

Борис Абрамович Березовский покинул Россию в 2001 году, когда началось «равноудаление олигархов от власти». Березовский для себя решил, что чувствовать себя в безопасности он может лишь в трёх странах: США, Великобритании или Израиле. У него были «Грин карта» на проживание в США и израильский паспорт, но обосновался он в Лондоне.

Лондон – почти такой же финансовый центр, как и Нью-Йорк, однако значительно ближе к России. Тем и объяснялся выбор Бориса Абрамовича. Он ещё рассчитывал вернуться в Россию.

В своё время Березовский прикупил недвижимость в Лондоне: роскошный особняк в Челси⁴⁵ и квартиру в районе Белгрейвия – в пяти минутах ходьбы от Букингемского дворца. Имея такую недвижимость, Борис Абрамович резонно рассчитывал на получение политического убежища в Великобритании, как «жертва Путинского режима».

Борис Абрамович своевременно получил от своего информатора в ФСБ – подполковника Литвиненко, сообщение, что на него начинается охота. Амбиций у Бориса Абрамовича было много, но и ума не мало. Он быстро просчитал все возможности для себя: или срочно покинуть Россию, либо сесть в тюрьму.

Лучше быть «жертвой режима» на свободе, посчитал Борис Абрамович и уехал из России, но он «громко хлопнул дверью». До своего отъезда Березовский связался с Александром Гольдфарбом – бывшим диссидентом в СССР и доверенным человеком Джорджа Сороса.

В начале 1990 года Гольдфарб вернулся из США в Россию и работал в «Международном научном фонде» Джорджа Сороса. Этот фонд занимался тем, что отправлял в США учёных из России. Именно через Гольдфарба Борис Абрамович предложил Соросу идею «свержения режима Путина». Соглашение было достигнуто, и перед самым отъездом, Березовский объявил об организации фонда «Гражданских свобод», деньги из которого должны были идти на создание «гражданского общества в России». Сам Борис Абрамович обещал выделить фонду двадцать шесть миллионов долларов, что было явной ложью. Не любил почтенный Борис Абрамович тратить личные деньги на политику, которая ещё не скоро принесёт дивиденды. Деньги в фонд поступали от Сороса, а Гольдфарб приглядывал за ними.

Перебравшись в Лондон, Борис Абрамович снял скромненький офис на улице Севиль Роу. Там не было даже туалета, и по нужде приходилось спускаться в офис этажом ниже, однако деятельного Бориса Абрамовича такие мелочи смутить не могли. В своём офисе, Березовский поместил редакцию основанной им газеты «Колокол».

В XIX веке «вестник русской революции» Герцен на деньги Ротшильдов в Лондоне организовал журнал «Колокол», в честь него Березовский и назвал свою газету. Правда, в этот раз платил Сорос, но по большому счёту это были деньги ФРС США⁴⁶, а Ротшильды в ней акционеры. Правда, идеалист Герцен искренне полагал исправить жизнь России к лучшему, цели

---

⁴⁵ Челси – престижный район Лондона.

⁴⁶ ФРС США – федеральная резервная система Соединённых Штатов Америки.

Бориса Абрамовича были скромнее – вернуть то, что он наворовал в России и искренне считал своим.

Уже находясь в Лондоне, Березовский уговорил депутатов Государственной думы Сергея Юшенкова и Владимира Головлёва организовать партию «Либеральная Россия», которую спонсировал Березовский деньгами Сороса.

В августе 2002 года в Челябинской области в отношении Головлёва было заведено уголовное дело по факту мошенничества, связанного с приватизацией. С него частично была снята депутатская неприкосновенность и его начали допрашивать в прокуратуре Челябинской области. Всё шло к тому, что он может сесть на скамью подсудимых. Головлёв садиться туда один не хотел и стал публично заявлять, что не желает быть одним фигурантом в этом уголовном деле. Владимир Головлёв обещал, что он потянет за собой многих. В своих заявлениях он был убедителен, так что его подельники приняли меры: 21 августа 2002 года в Москве на Пятницком шоссе, Головлёва застрелили, когда он выгуливал свою собаку.

В России в средствах массовой информации всплывало всё больше сведений о преступлениях Березовского, к тому же вышла книга Пола Хлебникова: «Крёстный отец Кремля Борис Березовский или история разграбления России», потому, в Лондоне Борис Абрамович развил бурную деятельность по созданию оппозиции в России.

В марте Прокуратура РФ направила запрос в МВД Великобритании по поводу экстрадиции Березовского в Россию, как фигуранта нескольких уголовных дел.

В МИ-5⁴⁷ посчитали, что Борис Абрамович с ними недостаточно искренен – живёт в Лондоне, а дружить предпочитает с ЦРУ. Решено было показать Березовскому: «Кто в доме хозяин». Адвокаты, обслуживающие Березовского в Лондоне, сообщили ему, что на него готовятся материалы в Магистральный суд на Боу – стрит, по поводу экстрадиции в Россию.

В это же самое время, председатель партии «Либеральная Россия» Сергей Юшенков, желая, откеститься от одиозного олигарха, заявил, что его партия не будет принимать финансовую помощь от Березовского. Сопредседатель партии Михаил Коданёв встревожился, тогда их «лавочку» можно закрывать, без денег Березовского нет партии. Коданёв связался с Березовским, и тот предложил ему решить эту проблему самостоятельно, уверив, что тогда деньги будут перечисляться лично Коданёву. Это же миллионы долларов!

Михаил Коданёв даёт своему помощнику Виннику пятьдесят тысяч долларов, и предлагает найти киллера для Юшенкова. Тот, забрав себе тридцать тысяч долларов, передал остальные своему приятелю Игорю Киселеву, и просил его найти исполнителя на убийства Юшенкова. Киселёв находит наркомана Алексея Кульчинского, даёт ему пистолет и две тысячи долларов, предложив убить Юшенкова. 17 апреля Кульчинский выпив для храбрости бутылку водки, стал ждать депутата у подъезда его дома. Когда Юшенков вышел, Кульчинский четыре раза выстрелил в него, но лишь один раз попал. К сожалению именно этот выстрел оказался смертельным.

10 июня 2003 года Кульчинский и Киселев были задержаны, а после дачи ими признательных показаний, были арестованы Коданёв и Винник. По существу, обоих председателей партии «Либеральная Россия» убили по делам связанным с деньгами, а не с политикой. Однако в светлой голове Бориса Абрамовича родился гениальный план, детали которого подсказал ему Александр Гольдфарб, как бывший биохимик.

Когда летом 2003 года судья Магистрального суда на Боу – стрит Тимотти Уоркман объявил, что слушание дела по экстрадиции Березовского состоится 6 октября 2003 года, Борис Абрамович через газеты заявил, что в России ФСБ уничтожает членов организованной им партии «Либеральная Россия», сославшись на убийства Головлёва и Юшенкова.

---

⁴⁷ МИ-5 – служба контрразведки Великобритании. Подчиняется МВД Великобритании.

Гольдфарб и Березовский придумали интересную версию: живущий в Великобритании эмигрант из Казахстана Владимир Терлюк, на самом деле агент СВР⁴⁸ России. В его задачу якобы входило физическое устранение Березовского. По словам Бориса Абрамовича: 6 октября на слушании дела в суде на Боу – стрит, Терлюк должен был опрыскать Березовского каким-то бинарным веществом, а потом закурить сигарету. Соединившись с сигаретным дымом это бинарное вещество, превращалось в смертельный яд.

По этому делу была поднята шумиха в прессе, в МИ-5 к этой версии отнеслись скептически, но идея с бинарным ядом понравилась, и слушание дела по экстрадиции Березовского так и не стоялось. Однако Борису Абрамовичу приходилось постоянно подчёркивать свою значимость в оппозиционном движении России, иначе процедуру экстрадиции могли возобновить. Но вероятно, не это было главным – Борис Абрамович, просто не мог жить спокойно.

В октябре 2003 года в Лондоне «Либеральная Россия» провела свой съезд. Депутатам оплатили дорогу до Лондона и обратно, а так же трёх дневное проживание в отеле. Но съезд едва не был сорван: побросав свои вещи в отеле, все депутаты ринулись в Сохо⁴⁹, они три дня бегали по магазинам, и собрать их вместе не было никакой возможности. Лишь перед отъездом они, наконец, собрались вместе. Перед депутатами выступил Борис Абрамович. Один из депутатов воскликнул:

– Что же вы наделали Борис Абрамович?! Зачем вы привели во власть Путина?!

Борис Абрамович, поникнув головой, отвечал:

– Это была моя главная ошибка!

Он тут же выделил, депутату задавшему этот вопрос, пять тысяч долларов. Впоследствии этот трюк повторялся многократно уже другими, и всегда, Березовский давал за этот вопрос деньги, правда, не более одной тысячи долларов. К чести Бориса Абрамовича, нужно признать – он искренне считал, что Путина к власти привёл именно он. В этом он добросовестно заблуждался, и ввёл в заблуждение британскую разведку Ми-6.

Всем про эту спецслужбу известно из романов Флеминга об агенте Джеймсе Бонде. Каждый, кто читал о приключениях агента 007, скажет, что офис МИ-6 находится в Риджент – парке, но на самом деле это не так. Офис Специальной Секретной Службы МИД Великобритании (СИС/МИ-6, именно так она именуется), находится в Лондоне на набережной принца Альберта в доме 85.

Начальник этой службы состоит в ранге заместителя министра иностранных дел, и является единственным государственным служащим во всей разведслужбе. Пока в 1994 году Парламент Великобритании не принял Закон «О разведслужбах», на правительственном уровне официально отрицалось само существование МИ-6.

Разведка SIS (специальная секретная служба) была организована в 1909 году в результате слияния Разведуправления Правительственного Комитета обороны и Главного управления разведки Сухопутных войск. В ней было множество отделов именуемых Military Intelligence («военная разведка»), сокращённо МИ. Каждый отдел: шифровальный, аналитический, информационный, имел свой номер. Отделы, занимающиеся разведкой и контрразведкой, именовались: МИ-6 и МИ-5.

В 1919 году МИ-6 (внешняя разведка) вывели из подчинения штаба Сухопутных войск и переподчинили МИД, а службу МИ-5 (контрразведка) соответственно переподчинили МВД Великобритании.

Первоначально, сотрудники МИ-6 работали в посольствах Великобритании под прикрытием паспортно-визовой службы. В 1930 году резидент МИ-6 в Риме подполковник Дэнси,

---

⁴⁸ СВР России – служба внешней разведки РФ.

⁴⁹ Сохо – торгово-развлекательный квартал в Лондоне.

отметил, что прикрытие офицеров разведки, как сотрудников паспортной службы, для оперативников итальянской ОБРА⁵⁰ не является секретом.

После возвращения из Италии его назначили на должность заместителя начальника МИ-6. Дэнси внёс предложение: использовать для прикрытия агентов международные торговые фирмы. Бизнес контролировать намного сложнее, чем посольства. С тех пор многие бизнесмены и не всегда граждане Великобритании, являются штатными сотрудниками МИ-6. Работал так же на МИ-6 и Пол Гройсман – помощник члена совета директоров банка «Морган Кеш», учреждения Мэтта Прэттиса.

Слишком хорошо в МИ-6 помнили о «чёрной среде» 1992 года на Лондонской бирже, потому и внедрили свою агентуру в круг акционеров ФРС США. «Чёрную среду» неизменно связывают с удачливостью финансиста Джорджа Сороса. Этот человек родился в 1930 году в Будапеште в семье еврейского адвоката Тивадара Шварца. Малыша назвали Георг.

После прихода к власти нацистов в Германии, там начались еврейские погромы. Правитель Венгрии адмирал Хорти был верным последователем Адольфа Гитлера. Тивадар, опасаясь еврейских погромов в Венгрии, поменял свою фамилию на венгерский лад – Шорош, а Георга назвали соответственно венгерским именем Дёрдь.

С 1947 года Дёрдь Шорош жил в Великобритании и учился в Лондонской школе экономики, окончив её, работал в брокерских конторах. Именно тогда он переделал своё имя на английский лад – Джордж Сорос. В 1956 году Сорос перебирается в Нью-Йорк и продолжает работать в брокерских компаниях.

В 1973 году Сорос организывает инвестиционный фонд «Кватум». Однако из-за того, что он совершает несколько ошибочных операций, к 1987 году «Кватум» становится убыточным. Потом вдруг случается «предвидение»: 16 сентября 1992 года Сорос угадал резкое падение британской валюты по отношению к западногерманской марке. Возможно, секрет такой прозорливости кроется в знакомстве Сороса с Генри Киссинджером, близким к семье Рокфеллеров. Именно тогда, в 1992 году, Сорос заработал за день больше одного миллиарда долларов, и стал «филантропом»: он организовывал различные фонды в странах бывшего СССР. В МИ-6 такого удара по британской валюте не забыли и стали «приглядывать» за акционерами ФРС США.

Пол Гройсман сообщил нью-йоркскому резиденту МИ-6 Алану Кингу, что Мэтт Прэттис вылетает в Лондон для встречи с Борисом Березовским.

Вся информация, которая требует осмысления, в МИ-6 стекается в аналитический отдел Директории подготовки разведывательной информации. Заместитель аналитического отдела Джоэль Форман, позвонил своему однокурснику по Эдинбургскому университету Полу Квинсону.

– Привет Пол, сегодня играют «Горожане»⁵¹ с «Портсмутом». Давай встретимся, попьём пива и посмотрим игру.

– Неплохая мысль. А где?

– «Бар Кик» возле вокзала Шедуэл.

Как и ожидал Форман, информация о Мэтте Прэттисе и Борисе Березовском заинтересовала Пола Квинсона. Березовский в Лондоне весьма плотно контактирует с Алексом Гольдфарбом, а это человек Сороса. Вероятнее всего разговор коснется Каспийского региона, необходимо знать, о чём будут говорить Прэттис с Березовским.

Пол Квинсон работает в финансовой группе покойного британского финансиста Джемса Голдсмита. Сейчас этой финансовой группой руководят Имран Хан и лорд Аллистер Макал-

---

⁵⁰ ОБРА – Контрразведка Италии времён Бенитто Муссолини.

⁵¹ «Горожане» – так футбольные болельщики называют клуб «Манчестер Сити».

пайк. Они усиленно вкладываются в нефтепроводы, ведущие с Каспия. Британцы там работали совместно с американцами, но в последнее время янки всё время стараются «перетянуть одеяло на себя». Поэтому необходимо знать, о чём Прэттис будет говорить с Березовским.

На следующий день оперативники Директората спецразведки, под видом сотрудников электрической компании, посетили одну из вилл в городке Саут Бакс. Этот городок расположен возле Лондона, всего в тридцати минутах езды от Хитроу⁵².

Вилла принадлежала Мэтту Прэттису, здесь он устраивал деловые встречи, когда приезжает в Лондон. Форман поручил контроль над операцией и анализ полученной информации, сотруднику своего отдела Вильяму Гаррету.

Перед руководством, прослушку на вилле в Саут Бакс, Форман залегендировал тем, что Мэтт Прэттис причастен к событиям «чёрной среды», следовательно, наблюдение за ним, в интересах Великобритании. Гаррета, Форман выбрал потому, что симпатизировал и доверял этому парню. Умница, хороший аналитик, способный видеть перспективу. Правда, излишне щепетилен, за что чуть было, не пострадал: несколько лет назад, его собирались уволить из МИ-6. Тогда именно Джоэль Форман встал на защиту своего сотрудника, и ничуть не жалеет об этом.

***

– Поверьте, мистер Прэттис, цена вопроса по смещению Путина всего полтора – два миллиарда долларов, – говорил Борис Березовский.

Борис Абрамович быстро соображал и так же быстро говорил. Он буквально «обволакивал» собеседника словами, и тот начинал смотреть на вещи с позиции Березовского. Однако всё это было, если Борис Абрамович говорил по-русски. Когда разговор вёлся на английском языке, Березовский терял время на правильное составление фраз, и улетучивалось его обаяние, а может, на Прэттиса не действовали чары Бориса Абрамовича.

– Помнится, мистер Березовский, четыре года назад, вы утверждали, что Путин ваша креатура и подчиняется вашим решениям, – Прэттис отхлебнул виски, – но теперь вы вынуждены жить в Лондоне, в статусе политического беженца, а Россия добивается у Великобритании вашей экстрадиции.

– Ввод Путина во власть, главная ошибка в моей жизни, – сокрушённо развёл руками Борис Березовский.

– Мне кажется, что и в отношении устойчивости режима Путина, вы так же заблуждаетесь, – усмехнулся Мэтт Прэттис, – помните мистер Березовский, для финансиста каждая ошибка в оценке ситуации, это шаг к его краху, а это подчас приводит и к гибели. Ваша беда мистер Березовский, в том, что вы слишком торопите события. Бизнес не терпит суеты.

– Что вы предлагаете мистер Прэттис? – Березовский взял стакан с виски, но пить не стал, и вновь поставил его на изящный, инкрустированный столик.

– Оставим вопрос отрешения Путина от власти на дальнюю перспективу.

– Что же нужно делать? – спросил Березовский.

– Насколько сильны ваши позиции в России? – сменил тему Прэттис. Он поставил стакан с остатками виски на столик и продолжил: – Я хочу спросить, имеется ли у вас возможность, с помощью фирм аффилированных с вами, осуществлять размещение финансов в России, и в дальнейшем, использовать эти деньги в наших целях? Так же необходимо предусмотреть проводку денег в Казахстан, Узбекистан и Азербайджан.

– У меня большое количество партнёров в России, и в указанных вами странах, – тщательно подбирая слова, ответил Березовский. Он внимательно посмотрел в глаза Мэтту Прэттису: – Но мне необходимо знать, на какие цели будут использованы эти средства.

---

⁵² Хитроу – аэропорт Лондона.

– Вы господин Березовский поставили себе цель, смещение режима Путина, – Прэттис встал с кресла и прошёлся по гостиной, – но тогда действовать необходимо обходными путями. Предоставьте исполнение поставленных вами целей другим людям. Пусть они делают эту работу за вас.

– Я не понимаю вас мистер Прэттис.

– Сейчас на Ближнем Востоке идёт броуновское движение джихадистов, – Прэттис опять уселся в своё кресло, – но скоро хаос в их среде прекратится. На Ближнем Востоке в воздухе витает идея Халифата, куда войдут страны Средней Азии и Каспийского региона. Однако идея без денег ничто, фикция. Вот вы и организуете этим людям доставку денег для их целей. Создав хаос у границ России, а так же в самой стране, вы значительно усложните жизнь вашему недругу Путину. Как говорил мудрый старина Уинстон Черчилль: «Если вы хотите достичь цели, не старайтесь быть деликатным...»

***

– Как говорил мудрый старина Уинстон Черчилль: «Если вы хотите достичь цели, не старайтесь быть деликатным или умным. Пользуйтесь грубыми приёмами. Бейте по цели сразу. Вернитесь и ударьте снова. Затем ударьте ещё – сильнейшим ударом с плеча». Вот так мистер Березовский, – Вильям Гаррет вынул флешку с записью беседы Березовского с Прэттисом из компьютера.

«Они опять пытаются финансировать исламских террористов, теперь уже руками Березовского», – подумал он.

В 2001 году в отдел Гаррета поступила информация от Алекса Ингерта одного из резидентов МИ-6 работающего на Ближнем Востоке: «Аль – Кайда»⁵³ готовит резонансные террористические акты с помощью угнанных пассажирских самолётов на территории США. Гаррет тотчас же написал рапорт об этом в Директорию подготовки разведывательной информации. В МИ-6 эта структура готовит отчёты в МИД и премьер – министру Великобритании. Гаррет считал, что информация о готовящемся теракте будет передана в США на правительственном уровне. Однако его рапорт вернулся с пометкой: «Не представляет оперативного интереса», за подписью руководителя Директории подготовки разведывательной информации. Понимая, что вероятнее всего это позиция руководства МИ-6, Гаррет направился на приём к председателю Объединённого комитета по разведке при Кабинете Министров Великобритании Джону Столену. Это опытный разведчик, не один десяток лет прослуживший в МИ-6. Именно он в своё время разработал операции по вербовке Олега Гордиевского⁵⁴ и Виктора Резуна⁵⁵.

Однако и Столен не придавал значения информации Гаррета, заявив, что это дело американцев. Тогда Гаррет напрямиком направился в посольство США. Там его вежливо выслушали и обещали передать его информацию в Госдепартамент.

На следующий день разгорелся грандиозный скандал, и Вильяма Гаррета чуть было не выгнали из МИ-6. Его отстоял непосредственный шеф Джоэль Форман. Самое интересное, что вопрос об увольнении Гаррета обсуждался в руководстве МИ-6, двенадцатого сентября 2001 года, то есть на следующий день после того как самолёты угнанные арабскими террористами протаранили башни – близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Выходило, что Гаррет был прав, однако это никого не волновало.

Год спустя, бывший однокурсник Гаррета по Бристольскому университету Гевин Мак Фрай, доказал ему, что башни – близнецы в Нью-Йорке были разрушены не из-за того, что

---

⁵³ «Аль-Каида» – организация, признанная в РФ террористической.

⁵⁴ Олег Гордиевский – полковник ПГУ КГБ, в 1974 году завербованный МИ-6. Считается «самым крупным британским агентом в рядах спецслужб СССР». Бежал из Советского Союза перед самым разоблачением

⁵⁵ Виктор Резун – сотрудник резидентуры ГРУ МО СССР в Женеве. В 1978 году с семьёй при помощи сотрудников МИ-6 бежал из Женевы в Великобританию. С 1981 года занимается писательской деятельностью под псевдонимом Виктор Суворов.

в них врезались угнанные авиалайнеры, а в результате направленного взрыва, какие применяются в США при сносе небоскрёбов.

«Им нужна была жертвенная кровь, что бы оправдать своё нападение на Ирак и Афганистан, – убеждал Гевин, – Усама Бен Ладен, любезно предоставил им повод для нападения. Но небоскрёбы не разрушились бы, после того как в них врезались эти «Боинги». Вот некто, и прибег к направленному взрыву небоскрёбов».

«Это могут быть лишь твои фантазии», – не поверил Гаррет.

«В Нью-Йорке живёт журналист Ник Нейвил. Он собрал убойный материал по этому делу. Там есть даже название фирмы поставившей взрывчатку в башни – близнецы и номера накладных. Я видел это досье, поверь мне Вильям, там были неопровержимые факты».

«Ну и что дальше?»

«Ник Нейвил передал эти материалы полицейскому из Нью-Йорка, его имя Пол Мортон. Этот полицейский начал расследование, но тотчас, же был убит каким-то уголовником. Материалы пропали, – ответил Гевин. – Эти люди, я имею в виду тех, кто делает большую политику, пользуясь различными спецслужбами, творят свои преступления в тайне. Целые государственные машины работают, повинуюсь их злой воле».

Гевин посмотрел на Гаррета, усмехнувшись, закончил: «Ты лишь винтик в этой машине».

«Я не хочу быть винтиком», – ответил Гаррет.

«Тогда тебе нужно сотрудничать с нами».

«С кем с вами?»

«Есть группа независимых интернет – журналистов, решивших создать свой интернет портал, – стал рассказывать Гевин, – мы будем разоблачать правительства, в их неблагоприятных делах. Но эта идея пока ещё в стадии разработки. Потому я сведу тебя с одним парнем, зовут его Зак Данаф. Он знаком со многими видными журналистами».

Так Вильям Гаррет познакомился с Заки Данафом. Когда в марте 2003 года союзники вторглись в Ирак, обвинив Саддама Хусейна в изготовлении химического оружия, Гаррет передал Данафу копию секретного доклада премьер-министру Великобритании поступившего из Директории подготовки разведывательной информации МИ-6, в котором говорилось, что в Ираке нет химического оружия. Ровно через неделю Зак Данаф передал Гаррету пять тысяч долларов и сказал, что эта тема заинтересовала американского журналиста Сеймура Херша, и деньги от него.

«Я не продаю Родину, – думал Гаррет, кладя деньги во внутренний карман пиджака, – я лишь не согласен с политикой правительства Великобритании».

***

Есть в Лондоне интересный район – Шордич. Арт-искусство здесь на каждом шагу: стены домов расписаны граффити. Тут много кондитерских магазинов. Порой продавцы, заманивая к себе посетителей, угощают прохожих шоколадом. Здесь очень много кафе, где любит сидеть эпатажная публика. Среди этих ярких заведений, затерялось неприметное кафе под названием: «Клубный завтрак». При входе в маленький зал кафе, сразу бросается в глаза старый холодильник фирмы «Смег». Если спросить у бармена: «Можно ли увидеть Мэра?»

Бармен откроет вам дверцу холодильника, за которой лестница. По ней вы спуститесь в бар под названием «Мэр города пугливых кошек». Это великолепное заведение с классной музыкой и огромным выбором коктейлей. Именно в этом баре Зак Данаф назначил встречу Вильяму Гаррету.

– Я связался с одним журналистом, зовут его Пол Хлебников⁵⁶, – потягивая тёплый сидр⁵⁷, сказал Зак Данаф, – сейчас он как раз пишет книгу о Березовском. Пол просил передать вам это.

Данаф положил на стол конверт. Гаррет взглянул в него, там лежали доллары. Он убрал конверт во внутренний карман пиджака.

– Пол попросил меня поинтересоваться ещё одним обстоятельством.

– Я слушаю тебя Зак.

– Беседа Березовского и Прэттиса шла о возможности спонсировать джихадистов на Кавказе, в Ираке и в других местах, – Данаф посмотрел в глаза Гаррету, – речь идёт о финансировании террористов.

– Мне так же пришла в голову эта мысль, – кивнул Гаррет.

– Пол Хлебников интересуется, есть ли у вас в дальнейшем возможность контролировать контакты Березовского? По-видимому, нити от него потянутся на Кавказ, в Ирак и ещё бог весть куда.

– Это можно будет устроить, – кивнул Гаррет.

Гаррет усмехнулся, у него уже была готова аналитическая записка Джоэлю Форману, тот имел какие-то дела с людьми из финансовой группы Голдсмита. В ней Гаррет рекомендовал взять на контроль все контакты Березовского, ибо они будут касаться региона Каспийского моря. Всё что касалось нефтеносного Каспия, была болезненная тема для людей Голдсмита. Поэтому Форман наверняка убедит руководство МИ-6 держать под контролем Березовского.

Домой Заки Данаф добрался в одиннадцать часов ночи. Жил он в районе Мейфейер, ближе к Гайд-Праку. Дома, достав сотовый телефон и поставив его на зарядку, он взглянул на засветившийся монитор. Была дата: 18 января 2004 года.

«Сегодня Юрию Сумину исполнилось сорок четыре года, а я закрутился и забыл, – подумал он. Подойдя к бару, Заки достал бутылку виски «Джек Даниэлс», улыбнувшись, налил виски в стакан, подумав: – За неимением водки, отмечу это событие виски».

В течение последних пяти лет Заку часто под утро снится один и тот же сон: бабушка – мать отца, водит его по церкви и рассказывает об Иисусе Христе и Богородице, а он зачарованно смотрит на иконы. Просыпаясь, Заки садился на кровать и вытирал холодный пот со лба. Он убеждал себя, что этническому чеченцу из Иордании, потомку мухаджиров⁵⁸, не может сниться православный храм, но снится, потому что всё это было. Правда очень давно, и не в жизни Заки Данафа, а в жизни другого человека – Юрки Сумина. Заки Данафу всегда казалось, что он забыл о своей первой жизни. Заговори с ним по-русски, назови его старое имя, он и ухом не поведёт. Но сны не подчиняются разуму. Снится ему то, что было в его первой жизни.

Бабушку по матери у Юрия Сумина звали Лизе – Лотта фон Крофф. Была она женой подполковника СС, танкиста. Муж её Георг фон Крофф был убит во время второй мировой войны. Он пал в летних боях 1944 года в Белоруссии. Лизе – Лотта с четырьмя детьми, из которых Мария – мать Юрия была старшей, и со своей младшей сестрой Зензи, жили в городке Гумбинен⁵⁹. Из-за болезни Лизе – Лотты они не смогли эвакуироваться в Германию. После

---

⁵⁶ Пол Хлебников – американский журналист, публицист. Один из основателей русской версии журнала «Форбс»

⁵⁷ Сидр – лёгкий алкогольный напиток из яблок. Британцы предпочитают в холодную, дождливую погоду, пить его подогретым.

⁵⁸ Мухаджиры – в середине XIX по соглашению между Российской и Османской империями, чеченцы, недовольные русским правлением, переселились с Кавказа на территорию Османской империи. Таких переселенцев звали мухаджирами, переводится с арабского языка: «переселенец». В настоящее время потомки этих мухаджиров живут в Турции, Иордании, Сирии и Египте.

⁵⁹ Гумбинен – ныне город Гусев в Калининградской области.

того как их городок заняли советские войска, весной 1945 года, Лизе – Лотту с детьми и Зензи, отправили на поселение в Казахстан, в город Караганду.

Едва приехав на место, Лизе – Лотта умерла, и восемнадцатилетняя Зензи осталась с четырьмя детьми на руках. Как она умудрилась, не зная русского языка, с маленькими детьми выжить в то голодное время, это отдельная история.

В Караганду в 1944 году с Кавказа выселили чеченцев, и Зензи с детьми жила в бараке вместе с ними. Влюбился в неё чеченский паренёк Хамзат, сын муллы. Отец Хамзата дал согласие на брак, при условии, что Зензи примет мусульманскую веру. Так она стала Зайнап, вдобавок, под влиянием своего тестя, искренне приняла Ислам. Своих детей у Хамзата и Зайнап не было, и племянников они вырастили как родных детей.

В пятьдесят седьмом году мать Юрки перебралась в Москву, там вышла замуж. Павел – отец Юрки, был коренной москвич, а его мать, происходила из рода купцов. Была она бабушкой верующей и часто водила маленького Юрку в церковь, рассказывала там о жизни Иисуса Христа.

Ещё до Юркиного рождения, Зайнап и Хамзат переехали в Чечню, они поселились близ города Гудермеса, построили дом в посёлке Еттухе. В свои каникулы, Юрка приезжал в гости к бабушке Зайнап и дедушке Хамзату. Русского языка Зайнап так и не выучила, и Юрка со своими двоюродными братьями и сёстрами, общались с ней на немецком или чеченском языках. Немецкому языку ещё в детстве его обучала мать, а чеченский он выучил, играя с ребятами в гостях у бабки. В свою очередь Хамзат, знакомя Юрку с Кораном, обучал его также и арабскому языку.

При рождении Юрки, с ним по настоянию Зайнап был проведён обряд Хитан⁶⁰. Потом, бабушка отца, втайне от всех, крестила его в церкви. Мать Юрки, узнав об этом, шутила: теперь Бог будет любить Юрку вдвое больше. Так и рос он между двух религий – православия и мусульманства.

Школу Юрий окончил с золотой медалью и поступил в МГУ на факультет журналистики. Цикл лекций «История зарубежной журналистики» читал у них журналист-международник из АПН⁶¹ Александр Михеев.

Юрий интересовался вопросами религий, а во времена атеизма в Советском Союзе, такое было не принято. Этим он и заинтересовал Михеева. Они стали общаться, играли в шахматы, и Юрка рассказал Михееву историю своей семьи.

Юрий Сумин всё ломал голову, чем он так заинтересовал столь маститого журналиста, что тот тратит на него своё время. Даже мысли нехорошие возникали: «Уж не гомосексуалист ли уважаемый Александр Фёдорович Михеев?»

Однако всё оказалось проще и прозаичнее: Александр Михеев был бывшим сотрудником ГРУ, капитаном первого ранга. Его приятель Вадим Смоляков служил в управлении «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ СССР. Смоляков как раз работал в отделе подготовки кадров для управления «С».

Разведчик-нелегал товар штучный. Он должен обладать отменным здоровьем, быть психологически устойчивым, иметь способность к обучению, ибо не известно заранее, какой профессией придётся овладеть. Само собой подразумевается наличие большого ума и интеллекта. Кандидатуру нелегала, втайне от него, долгое время изучают, составляют его психологический портрет. После чего психологи и программисты разрабатывают индивидуальную программу для полиграфа, (так называемого «детектора лжи»). В то время, а это было начало восьмидесятых годов двадцатого века, управление «С» было единственным ведомством в КГБ, где кандидат на службу, обязан был проходить полиграф.

---

⁶⁰ Хитан – мусульманский обряд обрезания у мальчиков. Представляет собой, усечение крайней плоти.

⁶¹ АПН – агентство печати «Новости». Информационное агентство в СССР, образованное на основе «Совинформбюро».

Как-то Михеев рассказал своему другу Вадиму Смолякову об интересном студенте Юрке Сумине, и КГБ начало его проверку. Именно по просьбе Смолякова, Александр Фёдорович Михеев поддерживал контакт с Юркой Суминым.

В семидесятые годы Смоляков и Михеев работали вместе в Японии. Михеев по линии ГРУ «под крышей» АПН, а Смоляков по линии ПГУ КГБ, как говорят разведчики «сидел под корягой», то есть имел дипломатический паспорт, и числился советником по культуре посольства СССР в Японии.

Функционально КГБ и ГРУ за рубежом, работали параллельно, не информируя друг друга о своих операциях. В шутку, офицеры КГБ звали офицеров ГРУ «сапогами», потому, что большинство из них были выпускниками военных училищ, а сотрудники ГРУ своих коллег из КГБ именовали «пиджаками», так как они выпускники гражданских ВУЗов. Совместные операции КГБ и ГРУ были редким явлением, и о них руководство договаривалось на самом «верху». Однако межличностные отношения между людьми не зависят от ведомственной принадлежности, и только благодаря этому обстоятельству, в апреле 1976 года Михеев и Смоляков установили, что занимаются одним делом. Они решили, не ставя в известность своё руководство, а это было строгойше запрещено, совместно провести операцию. Заключалась она в вербовке офицера с американского авианосца «Мидуэй» лётананта-командера Билла Уэлша.

Американец на контакт шёл из чисто меркантильных соображений. Он получил от Михеева маленький фотоаппарат для фотографирования на микроплёнку. Уэлш обещал передать снимки технической документации атомного реактора авианосца.

Когда нужно было идти на встречу, Михеев и Смоляков поставили в известность руководство о проведении совместной операции, и получили «добро» от начальства.

Встреча с Уэлшем была назначена в неприметном баре в Чийода – это один из районов Токио. Всё прошло гладко, американец незаметно передал плёнку Михееву, и тот поспешил выйти из бара. Он скорее почувствовал, чем определил опасность. Михеев незаметно сбросил микроплёнку и стал быстро удаляться от бара. Страхующий его Смоляков находился на другой стороне улицы, он всё видел. К Михееву подбежали четверо японцев в штатском. Они стали заламывать ему руки, но Михеев оказал дикое сопротивление, завязалась драка. Подбежали ещё двое японцев и вшестером, они с трудом скрутили Михеева. В ходе потасовки Михеев смог отойти на приличное расстояние от бара. Наконец японцам удалось затолкать его в фургон.

Смоляков подобрал микроплёнку и отправился в посольство. В руководстве ГРУ и КГБ узнав о провале Михеева, решили, что его выследила японская контрразведка. К сожалению всё оказалось значительно сложнее, и выяснилось это уже спустя несколько лет. Михеева выдал «крот» ЦРУ, сидевший в центральном аппарате ГРУ, это был генерал-майор Поляков⁶². Всех деталей предстоящей операции Поляков, находящийся в Москве не знал, и сообщил лишь, что Михеев вербует кого-то из американских офицеров ВМС США.

Японская контрразведка сработала очень топорно, контакт Михеева с Уэлшем не зафиксировала, и момент передачи микроплёнки в руки Михеева, ими был упущен. В свою очередь Билл Уэлш фотоаппарат, переданный ему Михеевым, после фотографирования чертежей утопил в море. Таким образом, в Службе криминальных расследований ВМС США⁶³ ничего не могли предъявить Уэлшу, который понимал, что в случае разоблачения ему грозит пожизненное заключение или смертная казнь. Он твёрдо стоял на своём: с журналистом АПН Михеевым

---

⁶² Поляков Дмитрий Фёдорович – агент ЦРУ, в течение двадцати лет передававший американцам важнейшую информацию. 27 ноября 1987 года приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 15.03.1988 года. Причиной провала Полякова послужила информация переданная Олдриджем Эймсом.

⁶³ Служба криминальных расследований ВМС США – следственно – процессуальный и контрразведывательный орган Главного управления (министерства) ВМС США.

не знаком, в баре с ним не общался. В последствие Уэлша попросту списали на берег, даже не уволив из рядов ВМС США.

У задержанного японской контрразведкой Михеева, также ничего не было обнаружено. Его арестовали на основании «Закона о защите военных секретов США в Японии». ЦРУ и военная контрразведка Японии рассчитывали выбить из него признание в шпионской деятельности. Как раз момент для этого был подходящий: уехал многоопытный посол СССР в Японии Трояновский, и на его место прибыл бывший заместитель министра сельского хозяйства СССР Полянский, совершенно не имевший опыта дипломатической работы и не знавший специфики Японии.

Срок передачи верительных грамот для Полянского назначили 12 мая 1976 года, следовательно, на то что бы «сломать» Михеева, у японцев и американцев было двадцать дней. Его посадили в камеру, напоминающую клетку для зверей. Там был постоянно включен электрический свет, и он находился под контролем четырёх надзирателей.

Михеев ни в чём не признавался и требовал встречи с сотрудниками посольства Советского Союза. В этом ему было отказано, тогда Михеев объявил «сухую» голодовку⁶⁴.

«Сухую» голодовку человек может вынести от пяти до семи дней, а потом наступают необратимые последствия в организме, которые ведут к смерти. Михеев продержался шесть суток, в течение которых с ним велись изматывающие многочасовые допросы, ему не давали спать, но он продолжал стоять на своём, заявляя, что не вёл разведывательной деятельности.

Видя, что Михеева не сломить, американцы потеряли к нему интерес и отошли в сторону. Перед японцами встала перспектива крупного международного скандала, они сдались, и к Михееву были допущены сотрудники Советского посольства. На первом же свидании Смоляков, посетивший арестованного вместе с послом Полянским, смог передать, что плёнку он подобрал.

Михееву улучшили условия содержания, он прекратил голодовку и получал пищу из Советского посольства, которая готовилась под руководством специалистов-медиков. Это было необходимо для того, что бы, не допустить ущерба здоровью вызванного «сухой» голодовкой. Тем временем Смоляков организовал кампанию среди западных журналистов в поддержку Михеева. Те из корпоративной солидарности устроили шумиху в прессе. Японская контрразведка предъявлять обвинение Михееву не стала, его попросту выдворили из страны.

Обо всём этом Юрий Сумин узнал уже, будучи сотрудником управления «С» ПГУ КГБ. Его проверяли более двух лет, прежде чем предложить службу в нелегальной разведке. Всех разведчиков-нелегалов готовят индивидуально, в частности Сумин обучался своему ремеслу пять лет. Всё это время он жил на частных квартирах, куда к нему приходили преподаватели, за время своей подготовки он сменил семь городов.

В 1988 году Юрий Сумин стал Заки Данафом, этническим чеченцем, проживающим в Иордании. Выборы такой легенды способствовало два обстоятельства: знание Суминым чеченского языка и обряд Хитан, проведённый над Юркой, а это очень важно, ибо любая медицинская экспертиза покажет, что он был обрезан именно в детстве.

В Иордании, Заки Данаф поселился в Амане⁶⁵, три года отучился в Иорданском университете. В 1991 году он перебрался во Францию.

В начале 1963 года ПГУ КГБ провело операцию, каких не было со времён Великой Отечественной войны: около территориальных вод Франции, всплыла субмарина ВМФ СССР, и с неё на обыкновенной резиновой лодке поплыл к берегу разведчик-нелегал.

---

⁶⁴ «Сухая» голодовка – одновременный отказ от пищи и воды.

⁶⁵ Аман – столица Королевства Иордании.

Этот парень высадился на берег около городка Ментон и явился в местную жандармерию. Там он сообщил, что приплыл из Алжира на резиновой лодке, зовут его Омар Бадиф, и он во времена Алжирской войны был хараки⁶⁶. Омар Бадиф сообщил, что из-за резни начавшейся в Алжире, он, опасаясь за свою жизнь, переплыл Средиземное море и высадился во Франции.

Омару выдали временное удостоверение личности, он встал на учёт в бирже труда мэрии Ментона. Таким нехитрым способом легализовался во Франции разведчик-нелегал Мухтар Хусаинов родом из башкирского города Стерлитамак.

Впоследствии Омар, скопив немного денег, организовал свою автомастерскую. Дела у него пошли хорошо, и он открыл сеть автомастерских и пунктов аренды автомобилей по всему французскому побережью Средиземного моря. Омар Бадиф был успешным бизнесменом, меценатом и почётным гражданином города Ментон. В Центр от него шла первоклассная информация военного и политического характера. Так же с его помощью удалось легализовать несколько разведчиков. Именно Омар Бадиф помог Заки получить вид на жительство во Франции.

Заки поступил учиться в университет Франш-Конте на факультет индустриальных наук, технологий и управления. Он окончил его в 1998 году. После чего в Лондоне устроился на работу в фирму, разрабатывающую компьютерные программы.

Натурализация разведчика-нелегала процесс длительный, потому первая информация в Центр от Заки Данафа поступила только в 2001 году. Одна из последних его информаций была о наличии группы хакеров живущих в Британии, Исландии, Норвегии и Франции, задавшихся целью разоблачать деятельность ЦРУ, АНБ, DGSE⁶⁷. Центр поручил Данафу выйти на одного из членов этой группы. Заки Данаф завёл приятельские отношения с Гевинном Мак – Фраем, а уже через него вышел на сотрудника Ми-6 Вильяма Гаррета.

«Привет, сегодня в Лондоне весь день идёт дождь, – писал Данаф в одном из чатов, – а мне так хочется тепла».

«Это предложение о встрече?» – тут же ответил некто под ником Эмма.

«А почему бы и нет?» – написал Заки.

«Я подумаю, и дам тебе знать», – ответила Эмма.

«Жду», – написал Заки и выключил компьютер.

Миллионы людей заочно общаются в интернете. Среди таких сообщений, проскальзывают единицы, которые имеют двойной смысл. Получив это сообщение, в одном учреждении, офис которого находится в деревне Бачурино Ново-московского района⁶⁸, прочли сообщение, которое гласило: «Получена запись беседы члена совета директоров банка «Морган Кеш» Мэтта Прэттиса с Борисом Березовским по поводу организации каналов финансирования исламистских террористических организаций на Кавказе и в странах СНГ. Материалы отправлены по каналу Эдгара».

А в Лондоне в это время Заки Данаф подумал: «Теперь можно пропустить ещё стаканчик виски. Сегодня всё-таки не самый обычный день».

Он вспомнил свой четырнадцатый день рождения: на зимних каникулах Юрка гостил у бабушки Зайнап, простудился и заболел. Потому 18 января он был ещё в Гудермесе. Бабушка купила ему торт, а он пригласил своего приятеля Адама Есенбаева.

«Плохо, когда день рождения в январе», – говорил Адам, уплетая торт.

---

⁶⁶ Алжир считался заморской территорией Франции. В 1953 году Фронт национального освобождения Алжира начал партизанскую войну против армии Франции. Эта война длилась до 1962 года. Франция при президенте Шарле де Голле признала независимость Алжира. Хараки – это алжирцы мусульманского вероисповедания, принявшие участия в войне на стороне правительственных сил Франции.

⁶⁷ DGSE – Главное управление внешней безопасности министерства обороны Франции.

⁶⁸ В деревне Бачурино Ново-московского района находится штаб – квартира СВР РФ.

«Почему?» – удивился Юрка.

«Всегда в это время грязно, сыро и холодно, – ответил Адам, – то ли дело у меня, день рождения, летом. Погода тёплая, фруктов полно».

«Это здесь в Гудермесе зимой грязно, – ответил Юрка, – а в Москве всё от снега белое. Хочешь на лыжах кататься, хочешь в хоккей играть».

Заки подошёл к окну и посмотрел на ночной Лондон, подумав:

«Интересно, где сейчас Адам Есенбаев? Может быть, стал боевиком и воюет на стороне сепаратистов».

Нет, Адам Есенбаев боевиком не стал, он был заместителем начальника уголовного розыска Гудермесского ОВД. Утром девятнадцатого января к нему пришёл Видади Таишев из села Джалка.

– Знаю Адам, ты человек справедливый, и не захочешь сделать зло моему мальчику, – начал Видади, после обычного для чеченцев приветствия и расспросов о здоровье.

– Про какого именно мальчика ты говоришь? – улыбнулся Адам. – У тебя их пятеро.

– Я говорю о моём старшем, о Малгобеке, – вздохнул Видади.

Видади рассказал, что Малгобек поддался уговорам своих приятелей Исы и Мусы Итаговых, и в марте этого года уехал в Панкийское ущелье, в тренировочный лагерь боевиков. При этом родителям он наврал, что ездил в Ростов на Дону к друзьям.

Летом, после возвращения из Грузии, Малгобек какое-то время жил дома, а потом неожиданно исчез, и несколько месяцев о нём не было никаких вестей. В декабре его привёз незнакомый человек. У Малгобека были сильно обморожены ноги. Вот тогда сын и сознался, что был в отряде Руслана Гелаева. В конце 2003 года ходили слухи, что отряд Гелаева был разгромлен, а сам он исчез.

– Поверь, Адам, – Видади приложил руку к сердцу, – мой мальчик никого не убил, иначе я не пришёл бы к тебе.

– Я понял тебя Видади, пойдём к начальнику уголовного розыска, – ответил Адам, – расскажешь ему всё, что рассказал мне.

– Он русский, и не поймёт боли отца за сына, – вздохнул Видади.

– Тревога родителей, за своих детей, одинакова у всех, будь ты нохча⁶⁹ или русский. Рома хороший человек, он всё поймёт.

Спустя два часа Малгобек Таишев рассказывал Аносову и Есенбаеву о своём пребывании в отряде Руслана Гелаева. Упомянул он так же о подслушанном разговоре арабов, о том, что через Хозу Нугаева они собираются получать деньги на джихад. Аносов взял подробное письменное объяснение от Малгобека.

– Мы постараемся помочь тебе не попасть под уголовную ответственность за участие в незаконном вооружённом формировании, – сказал Аносов на прощание, – но и ты должен сообщить нам, если боевики попытаются связаться с тобой.

– Я всё понял, – кивнул Малгобек.

В Гудермесе Аносов и Есенбаев заехали к начальнику районного отдела ФСБ Ильину и рассказали о Малгобеке, как о перспективном агенте. Ильин согласился с их доводами, Малгобек на свободе принесёт больше пользы.

---

⁶⁹ Нохча – самоназвание чеченцев.

Глава 6

*«Не искал покоя я, видел Бог.
И не раз я покидал родной дом.
Выбирал я перед собой сто путей и сто дорог,
Но конкретной выбрать так и не смог».*
Юрий (Хой) Клинский, песня: Жизнь»

Февраль 2004 года.

Во всём мире пенитенциарные учреждения разделяются по строгости режима содержания заключённых преступников. Только в России, да в республиках бывшего СССР, пенитенциарные учреждения делятся ещё и по цвету: «зоны красные» и «чёрные зоны». Считается, что на «красных зонах» режим устанавливает администрация учреждения, а в «чёрных зонах» порядок поддерживают «блатные», то есть воровские авторитеты.

На «красной зоне» администрация управляет заключёнными с помощью актива. Там нет воровского общака. Не потому, что запрещает администрация, а по большому счёту, он там не нужен. «Красная зона» – это, прежде всего рабочая зона. Там находится рентабельное предприятие, на котором работают заключённые и получают зарплату. Они отовариваются всем необходимым в своём магазине. Если какой блатной попытается там установить воровские порядки, то его «сломают» сами заключённые, либо администрация отправит его на «чёрную зону».

Если рентабельное предприятие в учреждении по какой-то причине организовать не удастся, и заключённые сидят без дела, вот тогда, «зона» становится «чёрной». Блатные вводят там воровские понятия, и опять же администрация не препятствует им в этом. Потому как блатные поддерживают в учреждении видимость порядка. Причём, если на «чёрной зоне» есть хоть какое-то производство, то обязательно будут «красные отряды», в которых правит актив.

Вот и вся разница в цветах «зон», везде сидят преступники – воры, грабители, убийцы и насильники. И не важно, активист он или блатной, прежде всего, это преступник. Что касается спиртного и наркотиков, то они «загоняются в зону» в независимости от её цвета. Тут всё дело в эффективности работы режимного отдела учреждения, пресекающего перебросы через ограждения, а так же заносы и провозы запрещённых предметов.

Однако есть ещё в России «ментовские зоны». Сидят там так называемые «БС», то есть «бывшие сотрудники». Сами себя эти заключённые называют «босьяками». В основном статьи уголовного кодекса у «босьяков» специфические: взятка, убийство при неправомерном использовании оружия. Однако есть и те, кто сидит за бытовые преступления: зарезал собутыльника по пьянке или застрелил любовника жены. Попадают тут и насильники. Однако, если в обычных «зонах» к таким осуждённым стали относиться терпимо, то в «ментовской зоне» это презируемые люди. Их сразу определяют в касту «отдалённых»⁷⁰. Заставляют убирать отхожие места и выполнять прочую грязную работу.

Среди босьяков, так же как и среди обычных уголовников, существуют свои касты. Верх иерархии у босьяков составляют оперативники и спецназовцы. Далее идёт основная каста осуждённых: сотрудники ГАИ, участковые инспекторы, дознаватели и прочие должности в милиции. Следующая, полупрезируемая, каста адвокатов. В самом низу «отдалённые»: сотрудники прокуратуры и судьи.

---

⁷⁰ «Отдалённые» – так именуются заключённые, которых в обычной зоне зовут «петухами» или «обиженными», то есть самая презируемая каста заключённых.

Если в обычной зоне, осужденный занимается спортом по желанию, то для «босняка» это обязанность. Не занимаешься спортом, значит, опускаешься, потому дорога тебе в касту «отдалённых». Другим любимым делом у «босяков» является юридическая переписка с судами и различными инстанциями. Дело в том, что шансов уйти на свободу по УДО⁷¹ у «босняка» мало. Вероятность освобождения по УДО значительно ниже, чем у обычного осужденного, потому одна надежда – на пересмотр приговора суда.

Во времена Советского Союза для «босяков» существовала всего одна «зона» строгого режима, находится она в Нижнем Тагиле. Однако «лихие девяностые» совершили «разруху в головах» всех граждан России, и сотрудники правоохранительных органов не остались в стороне от этой беды. Преступлений они стали совершать значительно больше, и понадобилось много «ментовских зон».

Одна из таких зон строгого режима находится в городе Бор, который расположен на левом берегу Волги, как раз напротив Нижнего Новгорода. Говорят, своё название городок Бор получил из-за хвойных лесов, которые в этих местах были южной оконечностью тайги, тянувшейся с самого Севера.

Начальником «ментовской зоны» в городке Бор, или на блатной манер «хозяин зоны» – полковник Богданов Андрей Ильич. Это был человек не глупый и обладал огромным достоинством, он умел заводить полезные связи на «самых верхах».

Показатели в учреждении полковника Богданова хорошие и его приглашали на должность заместителя УИН⁷² Нижегородской области, однако знающие люди в Москве советовали ему не спешить. Через два-три года, начальника Нижегородского УИН переведут в другое место, тогда Богданов имеет шанс сесть в его кресло, а с должности зама наверх хода не будет, по той причине, что слишком малый срок отсидел заместителем начальника УИН. Потому Богданов решил дожидаться генеральских погон, сидя в кресле «хозяина ментовской зоны».

Однако в начале 2003 года ситуация резко поменялась: с первым январским этапом «заехал в зону» бывший оперативник из Чечни Эмиль Самиков. Не успел этот «босьяк» разместиться в карантине⁷³, как к Богданову пожаловал заместитель главы администрации президента Леднёв, и стал интересоваться Самиковым.

– Смотри полковник, не дай бог с ним у тебя что случиться, не сносить тебе головы, – сказал перед отъездом Леднёв.

Дальше больше, только уехал Леднёв, тут же явился генерал ФСБ Абердин и тоже по поводу Самикова.

«Что они носятся с ним как с писаной торбой?!» – удивлялся Богданов и потребовал из спецчасти его дело.

В приговоре было сказано: Самиков работая оперуполномоченным уголовного розыска Гудермесского ОВД, одновременно являлся руководителем подполья чеченских боевиков. Опасаясь своего разоблачения, Самиков убил начальника уголовного розыска Гудермесского ОВД Аблаева и его информатора. Затем, по этой же причине, Самиков убил пособника боевиков Мацаева.

«И за всё это он получил девять лет! – изумился Богданов. Он встал из-за стола и заходил по кабинету, размышляя: – Какие же связи в верхах имеются у этого Самикова?!»

Полковнику Богданову разом поплохело. Он собрал актив заключённых и объявил, что вскоре в один из отрядов прибудет заключённый по фамилии Самиков. Богданов обвёл взглядом сидящих на стуле «авторитетных босяков» и продолжил:

---

⁷¹ УДО – условно-досрочное освобождение.

⁷² УИН – управление исполнения наказания.

⁷³ Карантин – место, где первый месяц пребывает осужденный после приезда в учреждение. Там с ним работают оперативники режимного отдела и решают, в какой отряд его определить.

– Если, ему на работе, случайно, на ногу упадёт болванка, или он на тренировке сорвётся с турника, то у сидящих здесь босяков, будут большие неприятности. Под неприятностями, я понимаю не ШИЗО⁷⁴ или ПКТ⁷⁵, а уголовные дела.

Вся «зона» вмиг забурилась: « Кто такой этот чех?!»

Кстати, Самикову и кличку такую дали – Чех. Вскоре все «босяки» знали, что Чех бывший боевик. Угроза Костыля, (так «босяки» звали Богданова), возымела действие и «босяки» на сходняке решили Чеха не трогать. Не всем это решение пришлось по вкусу, так как многие воевали в Чечне. Однако решению сходняка подчинились почти все, кроме одного. Им оказался Андрей Мамонтов бывший спецназовец из Армавира. Кличка у Андрюхи была «Мамонт». Он и был огромным как мамонт, и таким же сильным. Мамонт заявил, что давил духов на Кавказе, задавит этого и здесь.

– Я решения сходняка не признаю! – объявил он.

Мамонт имел славу «отмороженного». Ему был неведом страх, и «босяки» приуныли – Мамонт сказал, значит сделает.

В 1999 году, армавирский спецназ в Дагестане оборонял гору под названием «Телевышка». Когда у отряда закончились боеприпасы, решили прорываться из окружения, через кольцо боевиков. Спецназовцы, расстреляв все патроны, были рассеяны боевиками в лесу у подножия горы, и Мамонт выбирался из окружения, неся раненого товарища на плечах. Он был без оружия, и нарвался на троих боевиков. Голыми руками он убил всех, и с раненым товарищем вышел к позициям псковских десантников.

Обладая огромной силой, Мамонт был человеком миролюбивым и неконфликтным, всегда старался избегать ссор. Именно это его качество ввело в заблуждение пятерых мажоров, которые в кафе устроили скандал и прицепились к Мамонту. Он пытался утихомирить мажоров, но видно тех сбило с толку, вежливое обращение Мамонта с ними, и их численное превосходство. Один из мажоров налил пиво за шиворот рубашки Мамонта. Результат ошибки мажоров был печален: двое с переломанными позвоночниками остались инвалидами, остальным повезло больше, но пришлось долго лечиться, а Мамонт «присел» на пять лет.

Из карантина Чех в положенный срок переселился в отряд, он устроился на работу в цех заготовки металла. На беду там же работал и Мамонт. Однако администрация разрулила эту ситуацию, поставив Мамонта с Чехом в разные смены. Однажды они всё же пересеклись, и эта встреча для Чеха обернулась сотрясением мозга. Он отправился в медсанчасть, а Мамонт в ПКТ.

Кто-то в «хозяйстве» Богданова «стучал», ибо сразу после этого случая приехал генерал-майор Абердин, но в этот раз для полковника всё обошлось. Богданов предложил Самикову место в камере безопасности.

– Не хочу я гражданин начальник терять остатки свободы, – ответил Чех, – здесь хоть я могу в локалке⁷⁶ спортом заниматься, с людьми общаться.

Тогда Богданов решил убрать Мамонта из «зоны», а для этого из него нужно сделать «злостного нарушителя дисциплины». Полковник дал указание режимникам⁷⁷ «морщить»⁷⁸ Мамонта. Едва тот вышел из ПКТ, как тут же угодил в ШИЗО. Однако более пятнадцати суток там находиться нельзя, Мамонт хотя бы ночь должен был пробыть в своём отряде. Как только

---

⁷⁴ ШИЗО – штрафной изолятор.

⁷⁵ ПКТ – помещение камерного типа.

⁷⁶ Локалка – локальная зона. В местах лишения свободы, здания, где размещены заключённые, отделены друг от друга локальными зонами именуемыми «локалками». Там можно позаниматься спортом или просто погулять.

⁷⁷ Режимники – сотрудники режимного отдела учреждения.

⁷⁸ «Морщить» – криминальный сленг, означает несправедливо накладывать взыскания.

он снова «угодил под крышу»⁷⁹, взбунтовалась вся «зона». Босяки видели, что беспредел с Мамонтом творится из-за бывшего боевика. К Богданову подошёл один из активистов и сказал:

– Андрей Ильич, люди просили передать: либо ты перестаёшь «морщить» Мамонта, или мы объявляем невыход на работу. Мы подключим телевизионщиков, а они расскажут, как администрация из-за чеченского боевика несправедливо наказывает героя спецназовца, который кровь проливал за Родину.

Тут и начальник оперативной части доложил, что заключённые в поддержку Мамонтова готовят забастовку. Затосковал Богданов: куда ни кинь, везде клин.

Нужно отдать справедливость «босьякам», к Чеху, они претензий не предъявляли. Парнем он оказался неплохим, со многими завёл приятельские отношения. Ну а что воевал на другой стороне, так ведь сейчас они в тюрьме, а тут одинаково несладко всем. И бывшие враги, если не становятся друзьями, так приятелями станут точно.

Были два «босьяка», которых казалось всё происходящее в «зоне» совершенно не интересует – это бывшие оперативники Рязанского ОБНОН⁸⁰ Вадим Сушенцов и Роман Зароков.

Среди наркодиллеров Рязани оперативники ОБНОН Сушенцов, Зароков и Клименко считались «крышей». Они жёстко контролировали всех наркодиллеров, и надолго отправляли в «зону» тех, кто не платил процентов с продаж. Впрочем, для наркодиллеров это было выгодно. Потому как Сушок и компания не пускали на наркорынок Рязани «лишних» людей.

В службе собственной безопасности ГУВД Рязанской области имелась информация на Сушенцова и его компанию, но это всего лишь анонимные доклады агентов. Суду же необходимо предъявлять процессуальные материалы. Случай службе ОСБ подвернулся неожиданно: один из наркодиллеров по кличке Пейджер, продал в Рязани партию героина. Всё возможно прошло бы незамеченным компанией Сушенцова, но на беду Пейджера, героин оказался «чистым».

Дело в том, что каждый торговец героином, хочет получить за свой опасный бизнес дополнительный гешефт. Потому в героин мешают все, что есть под рукой и подходит по цвету: сахарная пудра, мел и так далее. Каждый наркоман знает об этом и когда смешивает героин с водой, для последующего ввода в вену, на иглу шприца надевает кусочек ваты. Наркоманы зовут эту ватку: «метёлка», она собирает всю примесь в героине. Наркоман знает свою дозу. Однако если попадается «чистый», не смешанный героин, то он превышает дозу и умирает от передозировки наркотиков. Такая смерть у наркоманов зовётся: «сладкой».

Когда в Рязани пошла череда «сладких» смертей, Сушенцов быстро установил, кто «толкнул» эту партию героина. Тут-то и выяснилось, что Пейджер не уплатил с неё «НДС» его компании. Вадим Сушенцов немедленно выставил Пейджеру «штраф» в размере десяти тысяч долларов. Пейджер смог бы заплатить эту сумму, но его «жаба задавила». Не захотел он отдавать деньги ментам, и обратился в ОСБ.

В квартире Пейджера оперативники ОСБ наставили «жучков», самого его облепили микрофонами, и стали ждать «оборотней в погонах». В своё время, Пейджер уже отсидел девять лет за распространение наркотиков, так что следующая «посадка» по этой же статье обойдётся ему в восемнадцать – двадцать лет колонии строгого режима. Потому Вадим Сушенцов был уверен, что всё закончится покаянием Пейджера и уплатой «штрафа».

К «провинившемуся» наркодиллеру они поехали вдвоём с Зароковым. Роман остался в машине, а Вадим Сушенцов поднялся к Пейджеру. Во время разговора, Сушенцов скорее по привычке, нежели из-за боязни, что их разговор может прослушиваться, говорил о деньгах, как о долге. Пейджер клятвенно обещал отдать деньги через несколько часов.

---

⁷⁹ «Попасть под крышу» – криминальный сленг, означающий содержаться в ШИЗО или ПКТ.

⁸⁰ ОБНОН – отдел борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Сушенцова и Зарокова задержали спустя тридцать минут после разговора с Пейджером у здания ГУВД. Оперативники ОСБ, засунули в машину Зарокова, ещё и пакет с героином.

На следствии Вадим Сушенцов заявлял, что ездил требовать деньги, которые одолжил знакомому. О цели поездки своему сослуживцу Роману Зарокову не говорил, использовал его лишь в качестве водителя. Зароков так же придерживался этой версии. Про героин, обнаруженный в бардачке своей автомашины, утверждал: подбросили сотрудники ОСБ

Оперативники ОСБ и следователь уговаривали обоих признать вину, а так же «сдать» своего подельника – Игоря Клименко. Обещали приговор с условным сроком. Однако Зароков и Сушенцов стояли на своём. Их сажали в камеры к уголовникам, где они дрались с целой толпой арестантов, морили голодом, но сломить так и не смогли.

Уголовное дело ушло в суд с показаниями Пейджера и аудиозаписью с голосом Сушенцова, где он требовал от Пейджера вернуть долг, а так же с подброшенным в машину Зарокова героином. Игорь Клименко на суде даже не фигурировал. Он остался работать в ОБНОН. Суд приговорил Зарокова и Сушенцова к семи годам колонии строгого режима. Клименко позаботился, что бы срок друзья отбывали в одной колонии. Так они и оказались в заведении Богданова. Работали в цеху такелажниками.

Спустя месяц после суда над Сушенцова и Зароковым, Пейджер попался на сбыте наркотиков. Он получил двадцать лет колонии строгого режима.

Когда история с Мамонтовым ещё только начиналась, Вадим Сушенцов заказал телефонный разговор с женой.

– Викуль, передай, пожалуйста, Игорьку, что бы забрал конструктор у сына, и отдал папе, – велел он жене, в ходе разговора о жизни.

– Какому ещё сыну?! – удивилась жена, у Игоря Клименко было две дочки.

– Его сыну, – ответил Вадим, и что бы жена ни ляпнула лишнего, стал болтать о ерунде.

Сынок – была кличка одного паренька в Рязани, приторговывающего портативными видеокамерами и прочей шпионской аппаратурой, а Папашей, друзья в шутку звали Вадима Сушенцова. Ещё раньше, на всякий случай, Вадим сообщил Игорю Клименко адрес инспектора охраны их колонии – Николая Саушина, с помощью которого, можно «втащить в зону» нужную вещь. Вика Сушенцова передала просьбу Игорю Клименко слово в слово, и тот всё правильно понял. Спустя две недели, Саушин передал Сушенцову портативную видеокамеру.

10 февраля, когда Сушенцов и Зароков курили около склада металлопроката, Вадим сказал другу:

– Пора Рома нам себе УДО готовить.

– Какое УДО?! Забудь! – усмехнулся Зароков. Он сплюнул, и продолжил: – Нам здесь чалиться до звонка.

– Под лежащий камень вода не течёт, – рассмеялся Сушенцов. Он посмотрел на друга и продолжил: – Не зря умные люди так говорят. Будешь сидеть, и плевать в землю, так по звонку и уйдёшь отсюда. Хотя есть возможность уйти по УДО через месяц.

– Что нужно делать? – спросил Роман.

– Завтра, когда закончатся крестины⁸¹, попросимся в лабаз⁸², – начал посвящать друга Сушенцов, – ты отвлечёшь дубака⁸³, это будет Ванька Криворученко. А я, пока он тебя будет слушать, сделаю дело.

⁸¹ Крестины – так на сленге осужденных, именуется дисциплинарная комиссия, которая рассматривает случаи нарушения заключёнными правил внутреннего распорядка учреждения, на этой комиссии налагаются взыскания на осужденных.

⁸² Лабаз – на сленге заключённых, магазин находящийся внутри колонии.

⁸³ Дубак – на сленге заключённых, инспектор охраны, дежурящий внутри колонии.

Кабинет, где проходят «крестины» никогда не закрывается. Помещение это находится рядом со штрафным изолятором, и охраняется инспектором по режиму. Тому скучно в одиночестве стоять по восемь часов на дежурстве, вот он и рад потрепаться с осужденными, идущими в магазин. На это и был расчёт Сушенцова.

Пока Роман рассказывал анекдоты глуповатому Ваньке Криворученко, Вадим проник в кабинет, где проходили крестины, и установил там шпионскую видеокамеру. Затем незаметно вышел из кабинета. Когда он направился к локалке, Роман Зароков догнал его и спросил:

– Что дальше?

– Ты иди в барак, а я поищу Костыля и поговорю с ним, – ответил Сушенцов, он нашёл полковника Богданова около столовой.

– Гражданин начальник, разрешите обратиться, – подошёл к Богданову Вадим.

– Ну что ещё?! – недовольно спросил полковник. Ему нужно ехать в управление, а тут зек лезет со своими вопросами.

– Разговор конфиденциальный, но не долгий, – сказал Вадим. Он предложил: – Может, пройдем в помещение для крестин? Там нам никто не помешает.

– Пошли, – ответил Богданов.

***

– Гражданин начальник, я знаю у вас проблемы с Мамонтом, – начал Вадим уже в кабинете, – вам скоро генеральские погоны на плечи упасть должны, а «отмороженный» Мамонт может всё испортить. Рано или поздно, он доберётся до Чеха и порешит его, тогда «плакало» ваше генеральское звание.

– Откуда такая информация?

– Да это секрет Полишинеля, – улыбнулся Сушенцов, – все об этом только и болтают.

– Что ты хочешь предложить?

– Я решу проблему с Мамонтом, – ответил Сушенцов.

– Что хочешь за это?

– Освобождение по УДО мне и Зарокову.

– Добро, – кивнул Богданов. Он с любопытством посмотрел на Сушенцова: – А как мы заключим наш договор? На бумаге?

– Мне достаточно вашего слова.

– Считаю, что ты его получил, – ответил Богданов.

Портативную видеокамеру Сушенцов и Зароков забрали таким же порядком, как и ставили. Через два дня у Вадима Сушенцова было длительное свидание с женой, он отдал ей флешку, велел передать её Игорю Клименко. Тот переписал запись разговора с полковником на две флешки, и одну переправил Вадиму через того же Саушина. После чего, Сушенцов сказал Роману Зарокову:

– Теперь самое время готовить своё УДО.

– Что нужно делать? – спросил тот.

– Окажем услугу Костылю и уберём Мамонта.

– И останемся здесь ещё лет на двадцать, – кивнул Зароков.

– Это будет несчастный случай на производстве, – покачал головой Сушенцов, – нас никто не сможет обвинить.

– Как ты собираешься его сделать?

– Помнишь, летом у нас на промплощадке трос оборвался? – спросил Вадим. Он рассмеялся: – Тогда пачка съехала на землю, а мы с тобой полдня колупались, собирая это железо.

– Ну, – кивнул Зароков.

– У нас оборвётся трос около гильотины⁸⁴ Мамонта, пачка листов съедет и перережет его пополам, – ответил Вадим. Он рассмеялся и добавил: – Не получится завалить Мамонта, и не надо. Листы метала, если не убьют его, то сломают позвоночник. Мамонт не сможет подойти к Чеху, что бы убить его. Ходить Мамонт будет исключительно под себя.

– Как сделать, так что бы трос порвался именно около Мамонта?

– Эх, Ромка. Дрых ты на лекциях по сопромату⁸⁵, – Сушенцов и Зароков вместе учились в Рязанском сельскохозяйственном институте. Вадим закурил сигарету и спросил: – Какую нагрузку выдерживает такелажный трос?

– Семьсот пятьдесят килограммов.

– Правильно, – кивнул Сушенцов, – прибавь к этому двадцать пять процентов гарантированной надёжности троса. Пачка металлических листов весит полтонны. Посчитай, сколько жил у троса нужно перепилить, что бы он порвался в нужный момент. Кран-балку в цеху сначала нужно резко остановить, а потом так же резко дёрнуть, начав движение.

– Понятно, – задумчиво сказал Зароков.

– Мамонт в эту неделю в ночную смену, значит завтра нужно всё подготовить, – решил Сушенцов.

Никитка Горбатов был полным раздолбаем, через это и срок свой получил. Во всех ОВД России, в каждой оружейной комнате висит плакат, на котором огромными буквами написано: «При получении и сдаче оружия ствол его направляй в специальный ящик с песком». Каждую смену сержант ППС Никитка Горбатов пялился на этот плакат, да всё без толку. Однажды, он, разоружаясь после смены, забыл вынуть магазин из пистолета и передёрнул затвор, дослав патрон в патронник. Вместо того, что бы направить оружие в ящик с песком и сделать контрольный спуск, что бы убедиться в отсутствии патрона в патроннике пистолета, Никитка, болтая со своим напарником, направил пистолет ему в грудь и нажал на курок. Грохнул выстрел.

В результате напарник сел в инвалидное кресло, а Никитка уселся на скамью подсудимых. Получил пять лет колонии строгого режима. Но и тут Никитка не изменил себе, он так раздолбаем и остался – работая нарядчиком в промзоне, и имея строжайшее указание Богданова не ставить Чеха и Мамонта в одну смену, он умудрился их обоих засунуть в ночную смену. Воистину прав был товарищ Сталин, заявляя: «Горбатова могила исправит». Правда Иосиф Виссарионович говорил это про принципиальность боевого генерала Горбатова, но сказанное в полной мере относится и к Никитке Горбатову.

Эми Самиков увидев Мамонтова в полупустом цеху, подумал: «Всё как будто специально подстроено, – он махнул рукой, – будь, что будет».

Самиков демонстративно направился мимо гильотины Мамонтова к автомату с газированной водой. Такелажники Зарок и Сушок везли на кран-балке пачку металлических листов. Возле Мамонтова пачка стала угрожающе раскачиваться, но тот на это не обращал никакого внимания, делая разметку на листе метала. В этот момент Эми заметил, что пачка, держится всего на одной проволоке троса, остальные порваны.

Эми бросился на Мамонтова и сбил его с ног. Трос порвался, и пачка металлических листов в полтонны весом съехала в сторону Мамонтова и Самикова.

***

В то время как в городе Бор близ Нижнего Новгорода, босяки Сушенцов и Зароков подпиливали ножовкой по металлу такелажный трос, за многие сотни километров от них, на Кавказе, в ауле Нижние Хваршини, Хоза и Руслан Гелаев, решали, что им делать дальше.

⁸⁴ Гильотина – пресс – ножницы для резки метала.

⁸⁵ Сопромат – предмет «сопротивление материалов», изучаемый в технических ВУЗах.

– Я вернусь в Азербайджан и оттуда переберусь в Турцию, – сказал Хоза. – пойдём со мной Хамзат.

– Если я буду с тобой, то ты не доберёшься до границы с Азербайджаном, – улынулся Гелаев, – мои фотографии развешаны на каждом столбе.

– Тогда что ты собираешься делать?

– Пережду здесь ещё немного, – ответил Гелаев, – за это время окончательно вылечу ноги, окрепну. Потом переберусь в Грузию.

– Я не могу здесь больше оставаться, мне необходимо добраться до Лондона, обсудить с Берёзой⁸⁶ все вопросы, – сказал Хоза.

– Думаешь, он всё ещё тебя ждёт? – спросил Гелаев.

– Без меня, он ничего сделать не сможет.

– Тогда не медли, перебирайся в Лондон, – согласился Гелаев.

В Лондоне, Березовский также не сидел, сложа руки. Он вызвал к себе Ефима Финкеля из Москвы. Когда-то Фима Финкель – тихий очкарик из Кишинёва, выпускник Московского финансово-экономического института, начинал у Березовского в Авто ВАЗе. Постепенно Березовский ввёл умного, старательного Фиму, в совет директоров Автобанка и Объединённого банка, входивших в империю Березовского. Когда в 1998 году, премьер-министр Примаков, настоял на возбуждении уголовного дела в отношении Березовского, Борис Абрамович решил обезопасить себя на «чёрный день». Фима, которому Борис Абрамович полностью доверял, организовал несколько банков, формально не связанных с Березовским. Однако во всех банках, мелкие доли акций, (до десяти процентов), принадлежали фирмам, зарегистрированным на Кипре⁸⁷. Эти фирмы были аффилированы с Березовским. Таким образом, для Центрального банка России, собственником этих банков являлся Ефим Финкель, а мелких собственников Центральный банк не учитывал. Такое положение дел Фиму вполне устраивало, ибо все считали его владельцем финансовой империи из пяти банков. Однако Фима хотел иметь собственный «гешефт».

Как говорил незабвенный Остап Бендер: «Раз в стране бродят денежные знаки, значит должны быть люди, у которых их очень много».

Уважаемый гражданин Корейко, как известно, хранил свои капиталы в чемодане камеры хранения железнодорожного вокзала. Современные «Корейки», такой способ хранения денежных знаков не приемлют. Они желают иметь счета в зарубежных банках. А как через границу перетащить большие капиталы, при этом, не объясняя их происхождение?

Фима Финкель придумал хитроумный способ. Он был родом из Молдавии, и там проживали его многочисленные родственники. Они-то и оказали Фиме помощь, естественно не безвозмездно. Способ был прост и безотказен как автомат «Калашников»: две фирмы, зарегистрированные в офшорах Белиза и Виргинских островов, заключают между собой фиктивную сделку. Гарантом этой сделки выступает житель глухой деревушки в Молдове, который за небольшую плату предоставляет свои паспортные данные. Он нужен для того, что бы сделка попала под юрисдикцию Молдовы. В свою очередь сам Гарант обязан предоставить поручителя, ими являлись фирмы организованные Фимой Финкель. Через банки Фимы эти фирмы размещали свои средства на счетах банков Молдовы. Когда приходило время платить по договору займа, должник долг признавал, но сообщал, что исполнить его не может. Заёмщик обращался в суд Молдовы и тот обязывал Гаранта погасить долг. Тот естественно этого сделать не мог. Тогда молдавские судебные пристава, арестовывали корреспондентские счета фирм –

---

⁸⁶ Берёза – кличка Бориса Березовского у чеченских боевиков.

⁸⁷ Такие пакеты акций называются миноритарные. Миноритарный акционер не может напрямую управлять компанией, и в то же время миноритарный пакет акций не контролируется фискальными финансовыми органами государств.

однодневки Фимы Финкеля, выступавшие поручителем у Гаранта. Получив эти деньги, фирма – истец размещала их на корреспондентских счетах банков Латвии или Литвы. Таким образом, современные «Корейки» с помощью Фимы Финкеля выводили свои капиталы из России за рубеж. Фима с каждой такой операции имел десять процентов. С учётом накладных расходов у него оставалось чистыми семь-восемь процентов. Учитывая, что он, таким образом, за год вывел около семисот миллионов долларов, деньги хорошие. Финансовая операция, задуманная Фимой, была блестящей, не то, что какой-то Аль Капоне, который придумал, организовывать обыкновенные прачечные, и с их помощью, легализовать свои криминальные капиталы. Это ведь после прачечных Аль Капоне, появился термин: «отмывать деньги».

Огорчало Финкеля одно: со времён гангстера Аль Капоне, финансовое законодательство шагнуло далеко вперёд, внося статьи в Уголовный кодекс, и теперь блестящая комбинация, придуманная Фимой, именуется: «отмыванием денег и легализацией преступных доходов». Потому рисковать своими банками Фима не мог. Он на подставные фирмы оформил миноритарные пакеты акций в «Совфинбанке». Таким образом, для Центрального банка России, владелец этого банка оставался прежний, в то время как «лавочка» целиком принадлежала Фиме Финкелю.

– Я принял решение валить Путина, – сообщил Фиме Борис Абрамович, – к тебе в Россию будут поступать деньги, которые ты будешь обналаживать.

– Мне задействовать мои банки? Разумно ли это?! – спросил Фима.

– Конечно, нет, – пожал плечами Березовский, – ты совсем недавно банчок приобрёл, вот через него и будешь «качать нал».

– Я вас не понимаю, Борис Абрамович, какой банк?! – прикинулся протестом Финкель.

– Фима не пудри мне мозги! – укоризненно покачал головой Березовский. Он улыбнулся и спросил: – Думаешь, я сижу тут в Лондоне и британских ворон считаю?! Не знаю, сколько ты «лимонов» в Молдавии «намыл».

В этот момент у Бориса Абрамовича зазвонил сотовый телефон:

– Алло, – сказал он в трубку.

– Здравствуй Боря, Шах тебя беспокоит, – услышал он в трубке знакомый голос.

В середине девяностых годов, Лого ВАЗ, принадлежащий Березовскому, «кинули» на несколько миллионов долларов «ореховские» братки. Тогда чеченская группировка «лазанские», взялась решить проблему Березовского. Вот так Борис Абрамович и познакомился с Хож-Али Нугаевым. Того все звали Хозой. Однако было у Нугаева ещё одно прозвище – Шах. Его знали только приближённые люди.

– Здравствуй Шах, рад тебя слышать, – ответил Березовский. – Где ты?

– Недалеко, как вы британцы говорите, на той стороне канала.

– Надо увидеться, – сказал Березовский.

– Нужно, значит увидимся. Через несколько дней буду у тебя в Лондоне, – ответил Хоза, – до скорого свидания.

Все разговоры Березовского прослушивала служба МИ-6. Через день её оперативники установили, что абонент назвавшийся Шах – турецкий гражданин Бурхан Йылмаз, проживающий в Париже на улице рю де Лябрсак дом 8 квартира 6.

Пока Борис Абрамович разговаривал по телефону, Фима усиленно соображал: откуда Березовский мог узнать про Молдавию? Тем временем Борис Абрамович разговор закончил, и сказал Фиме:

– В лавочку, которую ты недавно приобрёл, посадишь Конька Горбунка. Он приглядит за деньгами поступающими отсюда.

« Ну конечно! Кто же ещё?! – мысленно воскликнул Фима Финкель. – Конёк Горбунок и «слил» информацию Березовскому».

Коньком Горбунком звали управляющего «АКБ Кредит» Николая Миронова. Этот банк входил в финансовую империю Фимы. Миронов обладал густой, светлой шевелюрой, которая у него всегда торчала в разные стороны, словно солома. Вдобавок, Николай Миронов имел нос – картошкой, всё это делало его похожим на Иванушку – дурачка из мультфильма «Конёк Горбунок».

Между тем Николай Миронов ничего не сообщал Березовскому. Тот узнал о шашнях Фимы с «отмывкой» денег от Марины Аккель, муж которой – Сергей Воцагин занимал крупный пост в Росфинансмониторинге⁸⁸. В своё время Фима решил, что он может оказаться ему полезным. Финкель уступил Марине Аккель пакет акций в «Семагобанке», и ввёл её в совет директоров всех своих пяти банков.

Марина оказалась умной, а это Фима в женщинах ценил больше всего. Вскоре они стали любовниками, и в один прекрасный день, разморённый от ласк Марины, Финкель поведал ей о своей гениальной финансовой комбинации. То, что Марина по поручению Березовского приглядывала за ним, Фиме в голову прийти не могло.

***

Мамонтов получив сильный толчок от Эми Самикова, схватился за него, и, падая, увидел, листы метала, съезжающие из пачки идвигающиеся на них. Мгновенная реакция в опасные моменты, не раз выручала Андрея Мамонтова. Упав на пол, он старался втиснуться в маленькое расстояние между стеной и гильотиной, и одновременно, одной рукой, тащил к себе Эми Самикова. Мамонт и Чех, умудрились втиснуться в проём шириной и длиной в полметра. Туловища они уберечь смогли, а ноги остались снаружи. Когда металлические листы застыли на месте, Мамонтов спросил:

– Ты цел?

– Нога, – сквозь зубы процедил Самиков.

– Какая? – полюбопытствовал Мамонтов.

– Левая, – ответил Эми, – кажется, она сломана.

– Интересно, – усмехнулся Мамонтов, – у меня, похоже, эта же история с правой ногой.

Их обоих с переломанными ногами и многочисленными порезами, отправили в тюремную больницу в Нижнем Новгороде. Само собой, как бывшие сотрудники, они оказались в одной палате.

– Странная вещь, – сказал Мамонтов в первую же ночь, – ты, зная, что я собираюсь тебя убить, лезешь спасать меня.

– Обычное дело, – улыбнулся в темноте Эми.

– Да нет, – Мамонтов встал и доскакал на одной ноге до кровати Самикова. Сев на неё он продолжил: – Меня бы пополам перерубило, и твои проблемы решились сами собой.

– Без проблем скучно жить, – ответил Самиков, – теперь ты легко можешь доделать то, что обещал.

– Да нет, – махнул рукой Мамонтов, – теперь всё стало значительно сложнее. Это в бою, не задумываясь зубами глотку чеху рвёшь, а здесь в больничке, вопросы всякие в голову лезут.

– А ты не думай, – посоветовал Самиков, – считай, что ты на войне.

– Ты там, убивал наших ребят, тоже ни о чём не думал?!

– Своими руками, я убил троих чеченцев. Один из них был мой друг.

---

⁸⁸ Росфинансмониторинг – федеральная служба по финансовому мониторингу. Осуществляет функции противодействия легализации (отмыванию) доходов полученных преступным путём, а так же противодействию финансирования терроризма. Эта служба организована в 2001 году.

- И ты, не задумываясь, убил его?
- Тогда да, – ответил Эми. Он сел на кровать рядом с Андреем, и быстро заговорил: – Знаешь, я, когда узнал, что ты хочешь убить меня, как будто даже и обрадовался.
- Обрадовался?
- Ну, может, не совсем обрадовался, но успокоился, точно, – кивнул Эми, – решил, что будет это мне отмщение за смерть Руслана Алтаева.
- Тяжело жить с таким камнем? – спросил Андрей. Потом уточнил: – Я имею в виду убийство друга. А те двое других?
- О них я совершенно не думаю.

Так они и проговорили всю ночь. Живя бок о бок, постепенно сдружились. Навещавший их начальник медсанчасти Новиков, сообщил «босьякам», что теперь Чех и Мамонт, большие друзья. Спустя две недели на приём к полковнику Богданову записался заключённый Сушенцов.

– Наш доктор, рассказывал, что там, в больничке Чех и Мамонт друзья, «не разлей вода», – сказал Вадим, – так или иначе, но мы с Зароковым условия договора выполнили. Теперь гражданин начальник, ваш черёд выполнять свои условия.

– Какие условия?! – вскинул брови Богданов. – Скажите спасибо, что так всё обошлось, и вы с Зароковым новый срок за нарушение техники безопасности не получили.

– Это хорошо, что ты сразу карты вскрыл, – удовлетворённо сказал Сушенцов, – так намного легче разговаривать будет.

– Осужденный, что вы себе позволяете?! – повысил голос Богданов.

– Не ори, скоро сам таким же станешь! – жёстко прервал его Сушенцов. Он достал из нагрудного кармана тюремной робы флешку, протянул её Богданову: – Держи, кино посмотришь на досуге. Это запись нашего разговора, где ты даёшь мне указание убить Мамонта. Так что если даже вместе сидеть будем, ты не рассчитывай что рядом. Я позабочусь о том, что бы, где бы ты не «присел», тебя к «отдалённым» отправили.

Спустя час, просмотрев запись своего разговора с Сушенцовым, полковник Богданов уже сам вызвал Вадима к себе.

– Что ты хочешь? – спроси он.

– Условия прежние: освобождение по УДО в ближайшее время, мне и Зарокову.

– Это тяжело, – покачал головой Богданов.

– Старайся, – посоветовал Сушенцов.

Не спрашивая разрешения, он вышел из кабинета. Богданов посмотрел на календарь: 21 января, он принялся считать дни до комиссии по УДО. В это же самое время Магомед Ахматханов говорил Руслану Гелаеву:

– Хамзат, я нашёл место, где тебе легче всего перейти границу.

– Это хорошо, – обрадовался Гелаев, – значит скоро, я отправляюсь в путь.

После уничтожения банды Гелаева, о самом Руслане у ФСБ не было никаких сведений. Он с Хож-Али Нугаевым ушли за продуктами и исчезли. Это всё, что знали в ФСБ. По информации, Гелаева также не было в Грузии. Следовательно, он затаился где-то на территории России. Границу с Грузией постарались перекрыть «наглухо».

В ущелье Чаеха выставили дозор из пяти пограничников под командой лейтенанта Нечая. Ущелье Чаеха смыкается с Панкийским ущельем, которое является территорией Грузии. На тропе, которая идёт по дну ущелья в Панкиссию, расположился пограничный дозор: палатка, где жили пограничники и боевые позиции, обложенные мешками с песком. Из пяти рядовых, двое: Абдулхалик Курбанов и Мухтар Сулейманов, были контрактниками, к тому

же они были местные. Отслужив срочную службу на этой заставе, они уже год, служили по контракту. Идти в дозор Курбанов и Сулейманов вызвались добровольно, поскольку рядом, в десяти километрах, был их родной посёлок Бежта.

По договорённости со старшим дозора лейтенантом Нечаевым, каждую субботу они уходили домой. Если на этот момент в дозоре случится проверка, значит, они ушли в самоволку. В декабре 2003 года Абдурахман Курбанов женился, и ему хотелось чаще быть с женой. Возвращаясь из дома, Курбанов и Сулейманов приносили домашнюю еду, что было для пограничников, сидящих на одних консервах в радость. 27 февраля, в субботу, как обычно, Курбанов и Сулейманов ушли домой.

28 февраля Магомед Ахматханов договорился со своим односельчанином, и на его «Ниве» они довели Руслана Гелаева до ущелья Чаеха.

– В пяти километрах отсюда, прямо на тропинке, палатка пограничников, – указал рукой Ахматханов, – ты обойди их по склону, а дальше до границы не больше двух километров.

– Спасибо, – поблагодарил Гелаев, и пошёл в путь.

После обеда, Абдулхалик Курбанов и Мухтар Сулейманов вышли из своего посёлка и отправились к пограничному дозору. Мужчину идущего по тропинке, они увидели ещё издали. Гелаев был одет в синие спортивные брюки, коричневую куртку – «аляска», с рюкзаком за спиной. Автомат АКМ со сложенным прикладом, Гелаев спрятал под курткой.

– Чабан что ли? – сказал Мухтар, разглядывая мужчину в бинокль. Лица его он разглядеть никак не мог.

Мужчина шел по тропинке, которая сходилась с их тропой. Но когда он зашёл за большой камень, неожиданно пошёл в другую сторону.

– Он уходит! – крикнул Сулейманов.

– Пошли, догоним! – сказал Курбанов и снял с плеча автомат.

Руслан Гелаев поначалу не заметил пограничников на тропе. Только когда на солнце мелькнул «блик» окуляров бинокля, он увидел их. Руслан не подал вида, спокойно прошёл ещё пять шагов и зашёл за валун, скрывающий его от пограничников. Тут он снял с плеча автомат, и повесил его на шею. После чего, быстро пошёл в противоположную сторону.

Гелаев пробежал по тропинке метров семьсот, а затем стал взбираться по склону. По пояс в снегу, он поднялся на сто метров, потом ещё сто метров прошёл уже по склону, навстречу пограничникам, потом спустился в низ. Приём этот носит название: «Петля волка».

Курбанов и Сулейманов ещё издали увидели следы, уходящие вверх по склону. Именно в этот момент в них стал стрелять Гелаев. Первая же очередь угодила Сулейманову в голову, он упал замертво, не успев даже вскинуть автомат. Но своей смертью, он дал возможность Курбанову сориентироваться и прицелиться. Они с Гелаевым выстрелили друг в друга одновременно. Пули угодили в грудь Абдулхалику Курбанову, он, опрокинувшись на спину, сразу умер. Очередью из своего автомата Курбанов перебил кость левой руки Гелаеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.